СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
А Сажин
Три дня до лета

А Сажин
Три дня до лета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68303773
SelfPub; 2022

Аннотация

«Там, где страх, места нет любви».История о персонаже без определённого места в современном мире. «Я – как побитая бездомная собака» – выпалил он очередной знакомой с цифрового кладбища Тиндера. И пошел на работу… За стекло, туда, где жизнь – это тень на перфорированном потолке офиса. А цель еще более неосязаема. Знакомо?Но всему приходит конец. Не буду лукавить, не будет сюрпризом, что меня нет. «Я умер. Не так давно, но это неважно» – говорит он своей очередной знакомой из Тиндера.И на закате идет раздавать газеты в многотысячном ЖК «Цветной Город», повторяя: «благослави тех, кто видит во мне человека». Вдруг женщины с детьми на самокатах заулыбались. Ведь иногда конец – это начало истории.

Содержание

Часть 1 5
1 Вкустер 5
2 Ода Рите 9
3 Шиномонтаж 15
4 Тропический цветок 21
5 Она 24
6 На крыше 28
7 Ночь 33
8 Листья и палые яблоки 37
9 Вешалка 42
10 Иду к тебе 46
Часть 2 51
11 Друг 51
12 Карелия 55
13 Великий Новгород и Псков 60
14 Маяк 67
15 Череп мертвеца 75
16 Кошка 80
17 Mix1 86
18 Тупая история 90
19 Родос и ПНИ под Зеленогорском 93
20 Последний корпоратив 108
21 …Голова Великана упала, и родился наш 118

остров
22 Голубка 133
Часть 3 138
23 Чел на моноцикле 138
24 Выборг – ебаный Париж 141
25 Зарево 145
26 Свинья на Советской 149
27 ЕГОР ШИП 154
28 А вот и первый снег 162
29 Созвездие на хлопковом небе 166
30 Менеджер любви 174
31 Последняя история 179
32 Три дня до лета 181

А Сажин
Три дня до лета

Часть 1

1 Вкустер

Рой мух касался лица, как будто я мертв. На лужах не было следов, а только ровная безразличная гладь, когда мы шли с Яной, взявшись за руки. Светило лицемерное солнце и тут же скрывалось, и был вроде даже снег и тут же исчезал. И это начало лета. Заговорил истошный ветер и сдул этот день, проревев историю про какой-то инопланетный закат. Я не верил в эту историю, это было больше похоже на какое-то магическое заклинание. Потом я пах дрожью, несся в своем старом авто между погостами по виадуку из Купчино в Рыбацкое, который парил хмурой сумеречной вязью и судорожно же кончал в девятиэтажки. Там, в Рыбацком жила моя Рита, точнее – в прошлом моя. А Яна из Купчино источала сладкий виноград, и это не шутка! Ее действительно звали Яна, и она действительно пахла виноградом, как я в этом убедился, проведя с ней этот магический вечер. Столбы освещения казались мне очень коротконогими, нелепо наги-

ми, мне хотелось их одеть и обнять. Когда я обнимал Яну из Купчино пятнадцать минут назад, она вымолвила – все хорошо! И повторила – Все хорошо! Я вдохнул сладкий виноград ее волос и, задрав голову навстречу строительному крану, нависшему над нами, сказал – все прекрасно! Дрожь пронизывала меня, и я оказался на Шлиссельбургском, у дома, где на первом этаже точки из красного кирпича жила моя Рита. Я встал под подросшую ель и наблюдал, как Рита готовит ужин. Она умелыми руками резала мясо, она боялась смерти, она была немного ошалелая, и вдруг задернула штору, поморщившись на размякший уличный мрак. Наши глаза встретились, но вселенский страх, который стянул наши мышцы и разум, не позволил никак отреагировать. Время морщинистой сукой стало лапать меня, заставляя ей отлизать, положив руку мне на затылок, плотно прижавшись промежностью, сдвинув свои еще пока подтянутые ляжки. У меня не было выбора. Я поддался, но все эти затянувшиеся секунды думал о доброй улыбке Яны, о ее словах, что все хорошо, о ее объятиях. Она своей добротой наполнила концентрат чувств и нежности внутри меня, который я так долго скапливал и таил в себе, сбив в маленькую плотную горошинку, не давая им выхода. И все вырвалось и разбросалось! Я падок на доброту. Не могу ничего с этим поделать. Сразу тянусь как недоверчивое животное, вдруг учуявшее ласку. Я чувствами как маленький ребеночек, привыкаю, подпускаю потихоньку, смотрю в глаза, сканирую любовь и всю вот эту

хуйню. Яна обняла меня пятнадцать минут назад, сказала – Все хорошо, потом повторила – Все хорошо! Я ей ответил – Все прекрасно! Я смотрел на нависший кран, а потом услышал ее слова: «Андрей, давай потрахаемся, проведем пару ночей. Ты вкусно пахнешь, но между нами не может быть ничего серьезного». Добрая улыбка почему-то превратилась в похотливый морщинистый оскал, я ужаснулся, хоть и не был прочь потрахаться. И задрожал, и ничего не смог с этим поделать. Я вспомнил про мою прекрасную Риту и помчался в Рыбацкое.

На следующее утро я получил сообщение:

«Более бессмысленное, чего может ожидать или бояться человек, – это конец жизни. Есть закономерности, но также велик процент фатальных случайностей. Можно представить, что каждый атом, из которого мы сейчас состоим уже был когда-то в составе живого существа – оно также боялось смерти.» Я подумал, что смерть пахнет виноградом, что несчастье пахнет виноградом, и стал собираться на работу. По пути я размышлял, что чтобы научиться любить на этих болотистых равнинах, нужно научиться летать, минуя пыльные бури с пустынных далеких земель, что нужно взорваться, вспыхнуть искрометным салютом над чернеющим сквером, рассказать первой встречной все свои тайны, и, взяв ее за теплую как будто уже родную руку, без сожаления отпустить навсегда. Потом одинокой пустынной ночью, возвра-

щаясь бухим домой, услышать рев авто дальнобойщика, и зверем закричать в унисон, что не боишься смерти, что веришь в любовь.

2 Ода Рите

Уже довольно давно я расстался с Ритой. Мы долго встречались, и было как будто все неплохо. Но как-то на скамейке в Таврическом саду напротив памятника Чайковскому я ей сказал: «Мне кажется, из меня ничего не получится» Вот так. И тут же почему-то дал ей прочитать свой рассказ, который недавно написал. Рассказ? – спросите вы. Да. Я не понимал, что со мной произошло тогда. На меня как будто нахлынула Волна и подняла на свой бурлящий гребень и ударила головой об потолок моей комнаты, и я с трясущимися руками начал писать рассказ. Не я как будто писал, а кто-то выше с высоких облаков, но моими руками. Потом Волна скинула меня прочь, и я закончил. И я упал на свою кровать без сил и уснул тут же. Ах да, рассказ назывался «Ода Рите». Как вы поняли, я посвятил его своей девушке. Кому же еще?

Я редко говорил, что люблю ее и всегда это получалось как-то искусственно, как будто неправда, как будто неискренне. И с каждым дуновением и приливом чувств я зарывался вместе с ними глубоко, прямо туда, где мои усталые подошвы топтали землю. Я хотел ей однажды сказать, что не умею любить. Это было в Зеленогорске на колесе обозрения, когда наша кабинка воспарила над хвойным лесом, и показалось серое молчаливое море. Лето подходило к концу. Но я не знал, как это произнести. Я будто бы сомневался и пы-

тался понять, так ли это на самом деле, может, все-таки найти в себе что-то. Если бы я знал, что искать… Пытался найти в себе что-то живое, но всегда подходя поближе, терялся, мямлил, говорил, запинаясь в сторону, как будто у меня воняет изо рта мертвечиной. Я почти был в этом уверен. Я боялся, что эта вонь достигнет ее красивого лица вместе со словами о любви, коснется ее удлинённого носика как у рыжей игривой колли и пышной львиной шевелюры. Мое сердце покрывало коростами неуверенность и недосказанность, и росла дистанция. Все близилось к концу. Но рассказ не об этом, он как раз о любви, о такой, которая моя, о любви, которую я умею. Итак.

Ода Рите.

Что для вас колесо обозрения? Вертящаяся хуйня. Что для вас любой другой объект? Да ничего, если он никак ни с чем важным в вашей жизни не связан.

Мы с Яной спускались в открытой люльке фуникулера. Перед нами распластался ночной мерцающий Геленджик, сползающий в море. Позади на черной горе бесшумно кружило и светилось колесо обозрения. Бесшумно для вас. Для меня же оно скрежетало и прожигало бедное мое темечко, вырываясь из моих усталых глазниц, вычерчивая кислотными лучами цвета прошлой жизни наш с Яной поцелуй. Томный южный поцелуй. Ее же глаза были закрыты, веки пробивала манящая дрожь, а длинные ресницы врывались в ночь.

Поцеловаться предложил я, так как такой момент, так как такой вид и романтично, и потом пожалею упущенное. Но пожалел я по-другому. Об этом и мой сказ.

Дело в том, что моя Рита любила колесо обозрения. Не конкретное, а вообще…

Здесь я был бы рад закончить и навсегда замолчать, но скажу еще пару слов. Я томился и отсутствовал. Я не видел своего тела, своих рук, причину этого я не мог разгадать. То ли высшее счастье, то ли желание умереть. Вибрирующая песня восходящих потоков вторила моему затаившемуся отчаянию, теребила обессиленные рецепторы. Морской минеральный воздух лечит – повторял я себе, любуясь видами. Мучительные воспоминания возникали как острые укусы, но тут же перетекали в алкогольные онемения в членах. Вспомнились северные ели, поддевающие наш с Ритой кружащий медленный полет в Зеленогорске. Щемит. Я сказал бы, что щемит, если у меня сейчас было бы тело. Глубокий вдох, глубокий глоток, вновь южный поцелуй и дрожащие веки. Имена путаются в одно. Известен ли вам предел, где должен остановиться человек, цепляющийся за свою жизнь? Если моя жизнь умеет издавать животные звуки, то это плачущий кит. Я всем это говорю, но никто почему-то не воспринимает всерьез. Так вот. Фуникулер позади. Мы шли с Яной за ручку, спускались уже по тротуару к нашей комнате. Нас обгоняли приоры, из открытых окон которых ревел отборный хаус-реп. Одной рукой я держал ее руку, пальцем

второй герметизировал свое ближнее к дороге ухо, третья же шевелилась, думая об обнаженной Яне, которая обязательно случится через несколько южных минут, а четвертая тащила полупустую бутылку лимончеллы. Дикие улочки русского юга украшали заборы из профлиста всех оттенков. – Почему здесь нет пальм?! Где сраные пальмы!?! – пьяным хором возмущались мы. Достигнув улицы Чапаева, я скрипнул калиткой, вошел во двор. Моему взору предстало райское хурмичное дерево. Наполированные будто воском плоды преломляли ни то лунный свет, ни то свет колеса обозрения на горе. Я попытался сфотографировать хурмичную радугу на свой телефон, но у меня ничего не вышло. Тысячи невидимых рук непослушно дрожали. Тем временем Яна кормила местных котиков, так как в ее сумке всегда есть пару вискасов. Я ждал, пошатываясь.

– Яяяяннааа!!!! Яяяяннннаааа!!

Завыли собаки. Воздух приятно стыл. Я закрыл глаза, глубоко вдохнул и замер. Закончив ритуал, я вновь услышал скрип колеса на горе, но послал его на хуй, мое тело стало губкой, оно впитало южную мудрую тишину, и даже вой собак был тишиной, и даже сранные коты и вискасы, и хурмичная радуга не трогали меня. Совсем. Вдруг как по щелчку плач моей жизни стал ничем, а вой собак – сладкой мелодией цвета лимончеллы. – Я хотел бы сделать это в невесомости! Я хотел бы сделать это в невесомости!!! – кричал я, забегая по ступенькам в нашу комнату на небесах. Вселенная услы-

шала меня и выключила гравитацию.

В комнате было темно. Шумел холодильник Саратов. Ее волосы пахли морем и виноградом, ее тело пахло морем и виноградом. Я же пах Ритой, а голова крутилась ебанным колесом обозрения. Я не знаю, что такое любовь, – сказал я ей, тщетно обмякнув на ее стройные загорелые изгибы. Я не знаю, что такое любовь. Она уснула.

Ночь показывала звезды. Коты во дворе сражались за остатки вискаса. Там на горе была чернь, работники парка аттракционов выключили свет и видели южные сны. Я карабкался вверх, хватаясь за камни и кусты можжевельника кровавой рукой.

Я слышал, как плачет моя ошалелая Рита, уткнувшись своим прекрасным лицом в стекло кабинки. Как они могли забыть про нее? Как?!?

Над кривой геленджикской сосной парил безучастный лунный свет. С моря поднималась облачность. Я так устал, я так устал… Художник, родной, зачем тебе эти бесконечные морские дали? Обернись…

Конец.

Рита закончила читать и спросила: «А кто такая Яна?» Я сказал, что она ничего не понимает. А потом мы расстались. Это было довольно давно, и мне ее очень не хватает. Вышло так, что не понимал я, даже не осознавал, что встречу Яну

наяву, а Рита тогда это почувствовала, несчастье с запахом винограда.

3 Шиномонтаж

Ржевка – это такой район в Петербурге, в часе ходьбы от метро Ладожская. Спальное гетто. Сейчас я живу уже в другом районе города, работаю бухгалтером, но Ладожская как будто не отпускает меня, ее дикость и нелюдимость конечно же стали частью меня. Since 1996, когда моего отца уволили в запас в звании подполковника. Последние годы с 1991 по 1996 он служил на Дальнем Востоке, и мы с мамой тоже мотали срок в этом таежном крае, и в середине девяностых окончательно поселились в славном городе Санкт-Петербурге. Как я уже сказал, Ладожская – это дикое место, но тогда так было почти везде, мне запомнились, например, нескончаемые «стрелки» между школами, между районами, между различными субкультурами. Я не принимал в них никакого участия, так как был совсем мал, а просто бегал с новыми друзьями перед толпой и зачем-то прятался в парадных, залетая по пролету наверх к окну и наблюдая, как бисер тел течет мимо по рванным тротуарам из крупнозернистого асфальта. Тогда я завел дневник, впервые возжелав зафиксировать события, которые своим напором сбили меня с ног – завел в первый и последний раз. Там была единственная запись: «Сегодня лисоманы дрались с реперами, подкатил козелок и забрал народ». В целом было интересно, я попал в цивилизацию, в бетонные джунгли из джунглей натураль-

ных, где, чтобы позвонить другу, надо было поднять трубку армейского телефона из пахнущего бакелита и попросить оператора соединить тебя с квартирой номер №.

Так вот, сейчас на дворе 2015 год.

Наступили долгожданные выходные взрослой жизни, ведь мне как-никак стукнуло уже 30 лет, и я поехал проведать маму, живущую в родном доме на углу Энтузиастов и Коммуны. На КАДе взорвалось колесо. Все мои пожитки, которые я вез в багажнике старого авто, на асфальте, чтобы достать домкрат и запаску. Но это не помогает – теперь в пороге автомобиля огромная ржавая дырка от домкрата. Даже две, ведь родители учили доводить дело до конца, но не три, так как Россия научила, что можно и забить хуй. Океан и танцующие нефритовые сопки. Я люблю мечтать. Я очень хочу во Владивосток. Но теперь вместо скалистых берегов острова Русский – обочина КАДа, вместо стремительно взлетающего ввысь самолета – 30 км/ч по кромке шумного шоссе. Вместо заката над Тихим океаном – проткнутое сажевое небо на задворках, с рассыпанными из черной грозовой дыры окурками, словно мазками кисти мастера. Шиномонтаж – какое волнующее слово. Это слово заставляет задуматься. Задуматься о чудесах. Задуматься о прекрасном будущем, когда оно утекает из-под ног и стонет огромным печальным китом. Я бы сказал, что шиномонтаж и окурок – слова синонимы. Их нельзя не любить, я почему-то в этом уверен. Два печальных брата, с грустными потухшими глазами. Я заду-

мался о чудесах и о том, как я докатился до такой жизни, которая как будто не моя, а черновик долбоеба с Ладожской. Меня осенило прозрение, когда автослесарь сказал, что у меня не работают задние тормоза. Он грустно это сказал, как будто бы пожалел меня, и я забыл свой страх, увидев в его лице греющее сочувствие. Дыхание немного сбилось, и я понял, что в тот недалекий день я действительно поставил на себе крест. Было дело, я увидел красивую собаченку, суетливо бегущую по двору. Хозяев рядом как будто не было. Но я не был уверен. Что собака без хозяина? Ничто. Что человек без веры? Без веры в себя и чудеса. Тоже ничто. Не человек. Я пошел дальше, оглядываясь, куда она побежит. Был долгий день, и мне хотелось ссать, по этой причине мои шаги были стремительны, а мысли только о диких зеленых насаждениях в нескольких кварталах, и о собаке я быстро забыл. На следующее утро мне встретилось объявление о пропаже питомца. Было несколько моментов. Первый – пропажу привязывали к другой станции метро, а второй – мне казалось, что собака точно не та. Но почему же, когда я вышел из дома на бесцельную дневную прогулку, я отправился в другой район, где давеча видел эту собаченку? Ответа нет. Я просто пошел в ту сторону. По пути заглянул в пару мест, офигел от цены ксерокса за лист, думая, что он будет стоит рублей 5 максимум, ведь недавно стоил 3 (недавно, как я потом посчитал – это 10 лет назад). Спросил у продавца ксерокопий, открыток и прочих утилитарных мелочей, реальные ли это

люди на фотографиях для памятников, увидев красивую молодую девушку на керамическом изображении.

– А вы с какой целью интересуетесь?

«Смерть – имманентная трансцендентность природы» – было написано на заборе по пути. Рядом: «метафизический ХУЙ». Далее было трогательное «Малыш, проснись», где «н» было исправлено на «р». Я задумался о смысле и о любви, потом промолвил:

– да просто захотелось узнать.

Почему-то взгрустнулось, и я нырнул в ТЦ Бонус на Косыгина, где в прошлом году мы с Ритой купили путевку в Турцию. Но на этот раз зашел, не за путевкой, а за ряженкой в продуктовый отдел. В общем, я потерял много времени и подумал, что нахрен этот соседний район, ведь собака скорее всего не та… В ту же самую секунду мою голову наточенной стрелой пронзила мысль: я в такой жопе, потому что Я НЕ ВЕРЮ. Эта банальная идея настолько меня поразила и обрела невиданные ранее оттенки, что дряхлая ива с орущими под ней алкашами почудилась мне раскидистым платаном, в тени которого Гиппократ дарил свои откровения ученикам. И я пошел в соседний район к той собаченке. Теперь это был поход за верой, поход за обретением надежды, которую я потерял уже не помню когда. Я шел довольно долго, и было время все обдумать. Я, как водится в такие моменты, включил легкий джаз. Когда я искал в своей фонотеке нужный альбом, размышлял, какой саундтрек больше подойдет для

похода за верой – Стен Гетз, Ширинг или Cannibal Corpse, – ступил в собачье дерьмо, и сразу же меня бортанул бык. – Ладно, пусть это будет Бэйкер, – подумал я.

Так вот, времени у меня было достаточно, и, казалось бы, что за задача? Просто дойти до того места, где я давеча видел собаченку – делов то. Там я вновь обрету веру. Я приободрился. Шаг был легкий и уверенный, ладони слегка влажные от возбуждения и нетерпения. Даже выглянуло солнышко, освещая хмурые морщинки жителей окраины, вышедших подышать пьяным воскресным воздухом. Но внезапный блестящий проникновенный пассаж трубы старого философа-самоубийцы Бэйкера дал мне новое откровение: не достаточно просто прийти туда! Нужно поверить, что эта собаченка там будет. Только так и никак иначе. Она должна там быть – ты понимаешь? Должна там бегать своими когтистыми мохнатыми лапками и фыркать своим длинным носиком. Она должна там быть реальнее всего самого реального, что ты видел в своей печальной стонущей огромным китом жизни. Только так ты вновь обретешь веру, ведь если человек верит – все возможно. Это проверка на вшивость, братан, и ебись с этой мыслью, как хочешь – изливал мне старый философ-самоубийца Бэйкер своей бессмертной трубой – и у тебя, похоже, проблемы. Заморосил дождик, ноги заметно потяжелели, а асфальт стал густой непролазной чащей. Переезд снова закрыли, и я шел вдоль вереницы грязных ожидающих автомобилей, которые вскоре оглушат меня своим ис-

тошно-нетерпеливым воем. Какая тут вера, когда так… добрести бы… Собаки там не было. И теперь у двух печальных братьев появилась не менее печальная сестра – моя жизнь. Шиномонтаж, окурки и я.

4 Тропический цветок

Да, я не верю в себя. Но задумывался ли я об этом раньше? Не знаю.

Вот как-то я пересекал мост. Я люблю пересекать мосты, наблюдая, как справа на юго-западе города взлетают самолеты. Эта картина всегда вызывает трепет как впервые услышанная песня любимой в будущем группы. Лайнер грузно, но верно поднимается, кажется, совсем над куполом Исаакия, следуя к нестрогим, как на полотнах импрессионистов, рядам кранов порта и серых крыш Васильевского острова, и далее, и далее, пока совсем не исчезает за облаками. И однажды я удивился тревоге, проткнувшей меня в тот момент, когда самолет скрылся. Я ощутил отсутствие и, как понял позже, заметно ускорил шаг, как будто пытаясь его догнать. Я придумал свой полет, завтра я обязательно его осуществлю. Поднимаясь по эскалатору, уже почти на поверхности, я закрою глаза, глубоко вдохну и, выдохнув, отпущу теплую воздушную массу, поддерживающую мою спину и полечу назад в пропасть. Я буду деревянной кеглей, лакированной безразличием, разбрасывать в сторону спящих пассажиров, мое лицо сравняется с шеей, с плечами, оно не будет ничего обозначать – никаких гримас, они ни к чему. Пассажиры, резко тянущиеся за свои телефоны, чтобы написать, что опоздают сегодня на работу, или, может, и вовсе не придут, так как на

них летит огромная лакированная кегля, не успеют, они тоже задеревенеют от ужаса и покроются лаком безразличия, пульсирующим светильниками метро, и отпустят все. Уже не важно. Уже случилось.

Знаете?.. Сказать честно? Порой, мне думается, что у меня есть ровно столько, чтобы не сойти с ума. Ага. Не больше, не меньше. Я запутался. Я хочу найти себя, найти своё место, и у меня категорически это не получается. Сорняк в кривом огороде у железной дороги, по которой проносятся ржавые электрички Санкт-Петербург – Калище, никогда не сможет стать красивым тропическим цветком. Тропический цветок на болотах – вечный поиск. Вечный поиск – каждый новый день как будто первый шаг к верной жизни, но сейчас мне кажется, что это просто вечное бегство. Нескончаемое ничего, затерявшееся среди нефритовых сопок и бетонных заборов далекого Дальнего Востока.

Я сказал тогда это Яне из Купчино, когда мы обнимались, когда она предложила потрахаться. Я ничего лучше не придумал, точнее – я даже и не думал – слова сами потекли из моего рта: «Я иногда мечтаю, что мое бездумное существование рождает высокое и вечное». Не больше не меньше. Яна точно этого не ожидала. Она промолчала, но мне показалась, что ее объятия стали крепче. «Знаешь? Я – одинокая невысказанная неловкая мечта!» – продолжил я, пялясь на нависший над нами строительный кран. Молчание в ответ и еще

более крепкие объятия. Облака заскользили быстрее, стремясь сменить сцену, они плакали, им было тоже неловко, они мутной лужицей покрывали асфальт.

5 Она

Как я уже выше говорил, я – бухгалтер. Работа так себе. Бумажки, цифры и скрепки. Отчеты, калькуляторы и нескончаемые печеньки на алтаре отдельной полки шкафа с папками всех цветов пыльной радуги. И она. Тоже бухгалтер. Мне как-то сказали, что меня взяли сюда благодаря ей. Ее зовут Ира. Она мне очень нравится, особенно её темные воздушные кудри, глубокий пронзающий тебя взгляд. И то, что она очень добрая и справедливая. Доброта – самое важное в людях. Хуй поспоришь. Я часто пытаюсь отвлечься и не думать о ней. И у меня даже иногда получается, но, когда я прихожу в офис после выходных и вижу её улыбку, все увикендные потуги разлетаются щепками.

Я живу один. Да, мне бывает довольно одиноко, но кто я такой, чтобы жаловаться? Как-то проезжая по Большому проспекту Петроградской стороны, я остановился на красный свет светофора напротив магазина Вкустер. В окне на кассе я увидел Иру, она была с мужем, счастливая, брала вино и что-то еще. Я ловил ее взгляд, чтобы она посмотрела в окно, чтобы наши глаза пересеклись, чтобы помахать ей. Сзади стали сигналить – зеленый горел уже 10 секунд. Я поехал. Я почему-то расклеился, но решил, что я – кремень. Похуй на все. Ночью мне снились странные беспокойные сны, финалом которых были объятия. В жизни таких не

бывает, по крайней мере не было у меня. Если можно было бы разлучиться на сто лет с любимым человеком, первой своей юношеской любовью, зародившейся на закате под весенним цветом сирени, тут же провести ночь в благоухающей майской неге, а на заре расстаться, расстаться на сто лет, и все сто лет носить ее фотографию в кармане у сердца, предвкушая встречу, и жить ею каждую минуту, то объятия были бы, наверное, такие. Жаркие и мокрые. Тесная влага склеивала наши лица. Во сне я обнимал Иру. Я очнулся. Умылся и пошел на работу. Сирень отцвела, но я ее чувствовал, нарвал букет и убегал от разъяренной бабки из дворов хрущей, смеялся, что опаздываю на работу, смеялся, что бабка не догонит, смеялся, что как будто сломался от ночных несуществующих объятий, представил, что они были, что сон – воспоминания, и если очень постараться, то можно все повторить наяву, и начать писать новый черновик, не такой серый, не черной ручкой, ведь есть еще цветные карандаши, рассветы и закаты и вечная пахнущая весна.

Ира ничего не знала. Я вообще на работе ни с кем не говорю. Прихожу, открываю 1С, загружаю soundcloud и начиню фигачить. Удовольствия, конечно, мне это не приносит. Както вышло, что я здесь. Зачем-то закончил экономический, понимал, что что-то не то – не мое, но не хватило смелости бросить. Да и страх армии, да и слова родителей, что дело бросать на полпути нельзя. Потом долго искал работу и вот

я тут.

Вообще, мне нравилась музыка, и я пытался её сочинять и даже купил синтезатор, но дальше mix1, который я скинул когда-то моему другу, это не зашло. В детстве я так же мечтал быть барабанщиком, и даже пару раз играл со своими школьными друзьями в заплесневелых точках Леннаучфильма, но это ни во что не переросло. В общем, всё, к чему я прикасался, лопалось, как мыльный пузырь. То есть сначала он был такой большой, сверкал в лучах солнца разными красками и парил как воздушный шар на рекламе телевизора начала 90-х, но стоило прикоснуться… Недавно у меня появился новый мыльный пузырь – я хочу написать книгу. Купить водолазку и отрастить неряшливое каре. Хочу, чтобы друзья подарили мне на день рождения путевку в Лаос на год и сказали: «ты должен написать книгу, ибо нехуй». Я был бы им очень благодарен. Но у меня нет друзей, которые могли бы так сделать. И что бы я написал? Я не люблю говорить. Большинство слов мне кажутся лишними, а вечно пиздящие балаболы выводят меня из себя.

День подходил к концу. Луч солнца ворвался в офис неожиданным, но приятным гостем и, проскользнув по панельному перфорированному потолку, ярко осветил все мои мечты, окружившие монитор пыльного серого монитора. Какие они красивые, пусть такими и останутся, лучше их не трогать.

Когда я стою у большого зеркала после ванной, то смущаюсь своей бычьей шеи и рыхлому телу на слишком тонких для такой шеи ногах. Ноги могли бы сделать и подлиннее, говорю я и скоро накидываю свободные штаны с футболкой, пряча как будто не свое тело. Так привычнее. Я бы не сказал, что во мне есть что-то необычное. Простой парень невысокого роста, немного в теле, но не сильно. На Ладожской таких много. А она, Ира, всегда здоровается и прощается со мной отдельно, называя моё имя. Да, у нее темные кудри. Что-то из детства. Определенно, её волосы как у моей первой учительницы, не помню, к сожалению, как её звали. Это очень красиво. Она стройная, с широкими бедрами и тонкими руками, очень женственная.

6 На крыше

Я лежал дома на кровати в комнате с открытым, но занавешенным окном – светило яркое солнце и через трафарет ткани чертило узоры на стене. Редко бывает так, что ты просто лежишь и смотришь на эти узоры, и тебе больше ничего не нужно, ни телефона, ни телевизора, ни гундящего заумного подкаста. Играет Nthng – Oralage по кругу, в окно льется легкий шум с улицы. Всё очень гармонично и по кайфу. Я чувствую, как сердце подстраивается под бочку трека и отстукивает свой ритм на каждый второй удар. Или мне так кажется – да это не важно. Легкие синтезаторные пады трека уносят меня за тысячи километров. Может, к южному бирюзовому морю, а, может, к скалистой безжизненной пустыне, где плавно плывет одинокий караван к своему оазису для ночлега.

Я пригласил Иру прогуляться вчера на обеде, но она сказала, что не стоит. Я её понимаю. Она замужем, у нее ребенок и вообще все хорошо. Семейная идиллия. Нет, она жалуется иногда на мужа на работе, в шутку. Типа стало меньше внимания, и не встретил ее после работы. А я бы встретил, точно! На самом деле, я просто хотел немного с ней пообщаться, и, может, показать ей свои любимые места около работы. Я не хотел говорить ничего личного. Я даже пытался

обижаться, что она отказала, но стоило услышать ее голос, немного низкий и от этого бархатистый и успокаивающий, я понял, что обижаться нелепо, и я смущенно улыбнувшись – больше глазами, продолжил подгонять расходы под нужную сумму налога на прибыль – такая бухгалтерская суета показалась мне в тот момент приятной.

Узоры на стене комнаты зашевелились калейдоскопом от дуновения ветра. Я собрался и поехал в центр. Сидел на пляже Петропавловки с закрытыми глазами и ловил волны, представляя, что на морском берегу. Проходили разные люди. Говорили друг с другом, а я порой врывался в их разговор: «я просто хочу быть частью чего-то важного, или быть для кого-то важным. Быть чьим-то оазисом в пустыне». Люди устало отворачивались и не слышали меня. Ну и ладно, вообще-то я не настаивал. Кто-то из прохожих сказал: «Только поэт или святой способен поливать асфальтовую мостовую в наивной вере, что на ней зацветут лилии и вознаградят его труды».

Я узнал, где Ира живет. Периодически я приезжал в её район, где нашел открытую парадную с доступной крышей и забирался наверх. Это был дом, который соседствовал с её домом. Там часто пролетали самолеты. И были видны её окна. Я сидел на самом верху и смотрел. Место было удачное. По сути, снизу меня никто не мог заметить, да и с соседних

домов тоже. Мне казалось, она уже должна была прийти. Я ждал, когда загорится свет и жёг спички, аккуратно укладывая сожженные в дорожку, вспоминая, как в детстве мы с друзьями бегали с коробками спичек в карманах, и как только темнело, пока родители не начинали нас звать домой, мы забирались в какие-нибудь укромные места, чаще всего это были недостроенные гаражи, или недостроенная же школа из аспидного цвета кирпича, и делали импровизированные небольшие костры из листьев и щепок. Больше всего мне вспоминается запах. Запах свободы, натуральной и примитивной. Для того чтобы победить страх, чтобы справиться с темнотой, нам нужен был лишь коробок спичек. Вспышка, дарящая свет твоему миру, который тогда был одним целым с природой, потому что ты был открыт, потому что ты еще не успел выстроить стену и окончательно отделиться от Вселенной. И ты устраивал этот акт, этот дикий перфоманс света со своими друзьями и не боялся, что это лишь миг, что некому его запечатлеть, что никто не изобразит этот миг на картине, что никто не напишет книгу, сделав из него вечный монумент. Это свобода.

Пролетали самолёты. При желании, посмотрев из окна иллюминатора в нужную сторону, можно было увидеть маленькую точку – меня. И её окно. Я подумал, что сейчас больше всего на свете хотел бы лететь на том самолете, и увидеть её дом в закатных ярких красках. А если взять телефон и написать ей, что я её вижу? Или даже с незнакомого номера.

Нет, она испугается. Я пролетаю над твоим домом и смотрю в твоё окно. Если бы я писал книгу, то назвал бы её именно так. Не в смысле подглядываю, слежу, пытаюсь увидеть что-то потаённое – нет. Когда моя душа полетит, чтобы обрести вечное своё убежище, чтобы занять, наконец, своё место, путь она будет держать через её дом, чтобы краем глаза увидеть огонек её настольной лампы или шолох занавески её комнаты, и, если совсем повезет, нечеткий, но знакомый и точно её силуэт.

Пора домой. Самолеты не превратились в мигающие огоньки, ведь на дворе лето. И выдался теплый прекрасный день. Автомобили заняли свои парковочные места, чтобы с утра рвануть, а мой ждал меня неподалеку, чтобы везти обратно в город. Когда я встал, то понял, что звездочки играют в моём теле, шипят, шкварчат и обугливаяют мои и без того слишком чувствительные ткани, готовые вот-вот потерять все связи с миром вокруг, слишком тусклым, неинтересным, предсказуемым. Зря я смешал таблетки.

Когда я сел за руль и поехал, заморосил дождь, утыкаясь в стекло четкими лапидарными ударами. Небо затянуло, и сгущались ночные сумерки, вдруг цвета растворились и перемешались в краски тай-дай. Свет фонарей расплывался в сверкающем мокром асфальте и переливался радужным бензиновым пятном, перетекая то на небо, то обратно. Я как пилот самолета над Бермудским треугольником едва мог раз-

глядеть, где заканчивается дорога, и начинаются небеса. Но я несся быстро, проспекты и шоссе были полупусты. Мои чувства обострились и обрели новые доселе неизвестные мне оттенки. Моё состояние было на грани этого и другого мира. Я на доли секунды видел себя и автомобиль впереди, я не просто знал, где я окажусь, я наблюдал это своими глазами или чем-то другим, а чем, я не понимал. Время растянулось, оставляя больше свободы для реакции. Перестраиваясь из ряда в ряд, проезжая на желтые, я ехал по прочерченной кем-то линии, ощущая Бога внутри себя. Страх, неуверенность, боль одиночества засветились ослепительно белым как на пленке огнями тонущего города, сильнее-сильнее-ярче, пока не исчезли, и остались лишь очертания, и линия, ведущая меня домой.

7 Ночь

Ночь. Меня разбудил непонятный сначала шум. Это был гул телевизора. Где-то за стеной или на другом континенте. Где точно, я не понимал. Я включил свет, встал в центр комнаты. Это удивительно разозлило меня, мои мысли стали говорить мужским чужим басом в резонаторе из стен, потом с нечеловеческим визгом бились и рикошетили в меня, пронзая и будто разрушая структуру моей ДНК рентгеновскими лучами. Я испугался и судорожно стал искать источник шума. Прыгнул ногами на кровать и приложил ухо к стене, услышав вибрацию недр земли, почувствовав, как плиты континентов с инфрашумом, сеющим беспокойные сны, отдаляют ленинградскую хрущевку от Золотых Ворот Сан-Франциско. За скрежетом нашей планеты невозможно было определить направление звука телевизора.

Я выскочил на балкон, чтобы соединиться с тропосферой и устранить все бетонные антропогенные препятствия. Ночь была тихая и звездная. Кроны деревьев без труда доставали 4 этажа дома, спрятав за собой складской двор и светящийся купол водонапорной башни Политеха вдалеке справа. Желтый фонарь не качался. Собаки спали, что удивительно, и не выли волками. Я высунулся и попытался заглянуть в соседнее окно. Чернь. Ничего.

Звезды. В такие ночи я каждый раз невольно всматрива-

юсь вглубь неба в поисках движущихся пятен, вспоминая, как пятилетним стоял на балконе со своим отцом. Там темнеет рано и стремительно. Смоляное небо с мерцающими далекими мирами. Дальний Восток. 300 километров от Владивостока.

– Смотри на эту точку – говорил мне отец. – Это спутник. Видишь, как он летит?

– А что такое спутник? Точно, движется. Удивительно! Это же звезда! И она живая!

– Ночь, ты прекрасна! – вырвалось внезапно из меня. – Я точно полечу во Владивосток!!! – крикнул я отцу, думаю он там, где-то высоко услышал.

Почувствовав резкий холод в ответ, я заскочил обратно, и упал на пол, Земля как будто успокоилась, и я понял, что телек внизу. Я стал стучать в пол, злясь, что здесь бездушный бесшумный линолеум, а не деревянный паркет. Звук телевизора убавили, и я лег, нехотя, как будто меня попросили.

– Это начало конца – прошептал я.

У меня в комнате не было штор. В здании напротив, в глубокой темноте я видел мигающий красный огонек камеры. В поиске я набрал «скачет на члене», представляя далекие безжизненные миры, мерцание которых никогда не достигнет земной суеты и грязи. Я представил Яну, раздвигающую свою стонущую плоть для проникновения, бесстыдного и логичного как теорема или же вкусный ужин с вином и ин-

тересным разговором, когда прижимаешься к родному человеку, скрипя ножками стульев по плитке пола, чтобы быть максимально ближе к нему, чтобы разговор был проникающий и интимный, когда уже даже не важно, о чем вы говорите. – Я хочу быть ближе к тебе, предельно, чтобы мой тихий голос менял ДНК твоих слов рентгеновскими лучами. Я набрал в поиске «скачет на члене» и увидел вытекающую из экрана сладкую смазку стонущей одинокой плоти, каждый атом которой когда-то был живым существом, которое тоже боялось смерти.

Мне безумно одиноко. Ничего. Никого. Я один и эти далекие тусклые северные звезды, ни одна из которых не движется. Яна онлайн. Вообще, я хотел, чтобы это была Рита, хотел ее рядом. Но стал думать и набрал: «Милая Яна – давай потрахаемся, я согласен, только обними меня, пожалуйста, блять! Обними меня!!!» Были попытки найти для себя новый смысл, новые вещества, потому что про старые теперь можно забыть. Я лежал вечность. Отправлять сообщение не стал, а просто блеванул белой липкой пустотой на чей-то чужой трах, словив секунды поглощающей, но быстро улетевшей в космос расслабленности, улетевшей туда, где место пустоте. Мои мысли прыгали, и вот-вот, пробив черепушку, выскочат из головы и рассыплются бисером по линолеуму. Я хотел найти хоть что-то, за что можно уцепиться когтями, чтобы почувствовать себя частью этого мира. Этого, блять, бетонного и асфальтового, а не тех мерцающих далеких! Че-

рез несколько часов я понял, что это совсем лишено смысла и стал напевать про себя.

Давно уж нет мечтаний, сердцу милых.
Они прошли, как первый день весны.
Но позабыть я и теперь не в силах
Тем голосом навеянные сны!
Пусть говорят мне: время все излечит,
Пусть говорят: страдания забудь.
Но музыка давно забытой речи
Мне и сегодня разрывает грудь!

Стало светать. Солнце рождало новую жизнь. На лестничной площадке раздался шорох, кто-то хлопнул дверью.

– Ура, я не один.

Сладкое тепло расплылось по моему телу, заполняя собой каждую клетку.

– Я не один.

Я уснул.

8 Листья и палые яблоки

По утру мысли всегда стекаются обратно откуда-то со стен комнаты, с потолка, где они тихо затаились на ночь, задремали, чтобы испуганно встрепенуться и своим бурлящим ничего не терпящим потоком, задев и раскачав люстру, ворваться в мою голову. Надо что-то менять – трещал этот поток. Достал телефон и снова установил тиндер. Продолжать беспощадный поиск, выползать из тумана, щупая вслепую стены и дверные косяки, щупая теплые руки и заползать в глотки случайных встречных вместе с кофейком и неловким разговором про хобби и море, чтобы опять расстаться и удалить. Но я найду! Я сам не знаю, что это значит, а вы? Вместе мечтать переехать в центр, пересекать мосты и любоваться взлетающими самолетами, трепетать, возбуждаться от мысли, скальпировать взглядом и смешивать физически то, что уже как будто тысячу раз смешалось в общих снах, ведь сон в такие моменты один на двоих, и он плавно перетекает в общее утро, хоть вы и проснулись на разных концах города, а впереди день, который соединит вас в придыхающей истоме, вам будет не хватать воздуха, потому что кислород теперь тоже один на двоих, и надо привыкнуть, а пока спасение – сплавляющий губы долгий поцелуй. Скрещивание пальцев и тел – возвращение потерянных и измотанных на круги своя – домой. А вообще – нахер бухгалтерию! Возьму, наконец, он-

лайн курс какой-нибудь актуальной профессии – Программист весеннего асфальта или Менеджер Любви. Шутка ли? – я воодушевился.

Но вышло так себе – я не мог определиться, какой же онлайн-курс мне выбрать, поэтому весь день провел в одном только тиндере. Давно я там не был. Многое поменялось. Все поголовно одеваются со вкусом и приобрели возможность сфотографироваться у профессионала и на яхте. Севкабель, Новая Голландия, залив, лошадь, Тихий океан, Сан-Франциско и Золотые Ворота. Все присутствует. Я подумал, что врут себе тоже профессиональнее, с лоском и красивой картинкой. Но одиночество, хоть и с лоском, все равно – одиночество. Это скажет даже школьник на самокате. Смахивая анкеты и экономя сердечки, со временем я понял, что ищу не приятное лицо и продуманный под ней текст, а настоящность. Нерукожопный селфач манил сильнее, чем профессиональная фотография из студии как будто за авторством нейросети. Орнамент обоев моей комнаты ожил девичьими лицами с карикатурными угловатыми носами и огромными глазами, а тиндер в экране представал передо мной огромным цифровым кладбищем с улыбающимися мертвецами на вылизанных памятниках. Мозг вскипал и, наконец, выработал какой-то только ему понятный алгоритм, чтобы выделять еще тепленьких, еще живых.

Сложилось несколько пар. Особенно мне понравилась да-

ма с почти египетским именем Ri. В анкете значилось – редактор и музыкант. Написал ей: «привет)» Стал предвкушать, тяну момент тем, что пытаюсь ускорить события. Суечусь. Вдруг пугаюсь скоротечности, хочу замедлить ход времени – иду на кухню за чаем. Долго завариваю, как бы выжидаю. Не как бы, а выжидаю. Чай настаивается. – Ну все, пора! Возвращаюсь к компу. Пусто. Ответа нет. И нет. И нет. Наверное, занята. Я знал, что дамы любят оригинальность. Что значит: «привет)» Наверное, она подумала, что это неоригинально. Тем более анкета моя состояла из скромных «178, не курю, почти не пью» Последнее – главный мой недостаток – с горечью подумал я. Скучно. Ну а что вы хотите, дамы? Вы вообще чувствуете эпоху? Не устали? Не надоели пустословие, дифирамбы пустоте?! Что вообще может быть оригинальнее и душевнее, чем «привет)»?! Снова заварил чаек, потом выпил ряженки. Написал другой, у которой в анкете значилось «привет, поболтаем?)» Отправил ей то же: «привет)» Удалила из пар.

Все любят путешествия. Лазурные воды, белоснежный песок – вот эту вот интстаграмную поеботу. А я давно не был в Кронштадте. Ri, ты любишь путешествия? Поехали в Кронштадт! Бензин пополам. Вдруг я решил, что будет вполне оригинально отправить ей свой рассказ, ведь недавно меня опять охватывала Волна и поднимала на свой гребень. Тогда жарким июльским днем я ощутил седативную осень внутри себя, и строки полились сами ручейком. Рассказ назывался

«Листья и палые яблоки». Ri точно оценит слог, а вдруг ее тоже посещает Волна?

***

Занимался октябрьский закат. Листья и палые яблоки щерились во внезапно приоткрывшееся рубиновое небо. Участники событий приятно посвечивали теперь, хотя весь этот непогожий день походили на залежавшееся бесцветное дерьмо. Поскользнувшись на выпавшей воде, стремилась неприглядная мне суета, задевая своими быковатыми плечами. Но я понимал, что в ней – часть меня, родная и привычная с детства, поэтому я, разогнавшись как следует, сиганул в этот вечер окраины, отбросив в сторону стеснения, выплюнув из недр своих ребенка, смущаегося своих родителей. В воздухе повисло предвкушение. «Пятница вечер, столица веселится» – как говорил классик. Словом, выползал люд, и я с ним – песчинка бытия. Следом как бы невзначай школьник на самокате, выделывая финт, окатил меня с ног до головы грязью. Я от бессильности что-то предъявить ему (а смысл) разозлился на природу и на школьника, назвав его про себя «сраным щепочником», хотя знал, что щепочники – они на досках, на скейтах, но ничего не мог поделать со своей настигнувшей меня в столь неподходящий момент безграмотностью, беззащитностью перед природой, и оттого разозлился еще сильнее. Потом вновь обратил взор на манящий рубиновый закат, и понял что идти мне в его сторону, что я бу-

ду его гостем, снова залицезрел радостных жителей вокруг, расслабился и принял момент, даже больше – сказал – «бывает, это часть жизни, и в этом ее прелесть». И взял курс в рубиновый октябрьский закат, попутно гугля, как правильно оскорбляют школьников на самокатах.

Конец.

Но почему-то Ri сразу же удалила меня из пар. После нескольких часов без результатов я вспомнил, почему скрылся из тиндера тогда несколько лет назад. Я опять испытал то снедающее чувство, будто от меня несет говном, и там – по ту сторону экрана, как будто это чувствуют. Ответа ни от кого так и не последовало. – Ну и хрен с ней с редактором. Ну и не нужно. Так-то я достоин большего – издателя.

Вышел прогуляться. Купил ряженки. Я шагал по району и размышлял, почему меня никто не любит. Но размышлял как-то по-философски, с легкой грустью, без самобичевания и жести. Уверенность куда-то пропала. Как мне изменить себя? Как найти ту? Какой онлайн курс выбрать?

Хотя к чему уверенность? Одиночество, хоть и уверенное, все равно – одиночество. И вот я иду навстречу рубиновому закату. Песчинка бытия. Летят один за одним самолеты, норовясь залатать своими шелковыми выхлопами небесную щель меж облаками. Но безрезультатно, а я и рад. Не любят и не любят.

9 Вешалка

Следующий день на работе не задался. Ночью мне опять зачем-то снилась Ира, да, это точно была Ира. Снились снова жаркие объятия, прибивающая больной страстью встреча, которая бросила нас друг в друга, и мы не сопротивлялись. Дело в том, что, когда я в этом сне почувствовал, что Ира тоже хочет этих объятий, что, закатав свои бесконечные карие глаза, она стала часто и глубоко дышать, я как будто провалился и затрепетал всеми членами. Запели ангелы и вся хуйня. И мои руки, желавшие сладостного пульсирующего тепла, потянулись вниз ее живота. Вот они уже перешли границу, ощущая волнующее покалывание гладковыбритой растительности, и тут в этот момент прозвенел будильник. Я встрепенулся. Сука! В офисе, находясь напротив Иры, я не мог смотреть в ее глаза без волнующего придыхания. Мне очень захотелось открыться ей, и я был уверен, что она меня поймет и встретит своей доброй улыбкой мою растроганную сном душу. Ее уже родной бархатный голос как будто подтвердил мои мысли. И я затаил дыхание и отправил ей свой рассказ, в котором пытался изобразить удивительный райский закат. И тут же затрясся, как будто сделал что-то очень стыдное и неисправимое, как будто отправил ей дикпик в закатных красках, страх и жалость к себе овладели мной. Весь день я ждал ее реакции, ее ответа, но было лишь молчание,

которое, как известно, хуже смерти. Потом я вспомнил, что во сне у Иры было лицо Риты, и я удивился, как я сразу этого не заметил, да и глаза же были не карими, а небесно-голубыми.

А вообще, кого я обманываю? Ведь никому не нравятся закаты, рассветы и прочие морские дали. Банально. Неинтересно. Ведь мир – стероидный качек и мозамбикский легкоатлет. Кого удивит чудо первых шагов, когда каждый день бьются рекорды? Знаешь, сложно вдохнуть жизнь в твои прикосновения, если ты лох. Как-то вечером, слушая джаз, я долго искал слово, красивый эпитет, но не получилось. Я исчерпал тогда все слова. Но в целом, мне показалось, что звучит красиво, и еще в тот же момент зажегшийся свет окна напротив и сверкнул мне бликом оптического прицела. Не так, конечно, красиво, как выгуливать корги на Петроградке, но в целом неплохо, мне показалось. Бывают красивые закаты, бывает, что ты вдруг написал на бумаге: «счастье есть». Потом ты почитал Бабеля или Набокова, охуел от ихних литературных изысков, выпил кофейного напитка, загрузил 1С и удалил из своей жизни все красивые закаты и заметки, что счастье есть.

Порой мне кажется, что я слишком строг к себе. Пытаюсь кому-то что-то доказать. Мечусь. Но чего я хочу на самом деле? А чего хочет эксгибиционист, прикрывающий свой стыд кожаным плащом? Острых ощущений? Может, он просто хо-

чет тепла и солнца, он взывает мир о помощи заполнить верховодящую внутреннюю пустоту, но что-то пошло не так. В какой-то момент он свернул не туда. Мне кажется, у меня проблемы. Опять это чувство. Я как-то сделал вешалку на уроке труда в третьем классе. Ну нормальная вешалка, две обточенные деревяхи, скрепленные клеем. Свою функцию вешалка выполняла и была мне дорога. Да и я не был обделен родительской похвалой, они говорили: «молодец, сын, хорошую вешалку сделал». Я был горд. Повесил на нее свою курточку, отошел и любовался. Признаюсь, были небольшие сомнения, как будто она была немного кривой. Ну не сильно, ну так, как хромой ребенок, немного хромает, ничего страшного, а когда он не двигается, так и вообще ничего не видно. Я откинул эти гнусные сомнения и основательно решил, что эта вешалка – моя любимая теперь вещь. Все вроде шло неплохо. День сменялся днем. Иногда быстро, иногда часы тянулись. Я прибегал со школы к своей вешалке, чтобы накинуть на нее свою одежду. Было какое-то счастье. Да, оно было, простите за банальность. Как-то случился праздник и к нам пришла тетя Наташа. Я как собаченка крутился вокруг взрослых, вокруг стола, в общем было весело. Тут родители стали меня хвалить, вот типа хорошо учусь, смышлёный. А недавно вот сделал вешалку на уроке труда. Я как услышал, помчался в прихожую. Открываю шкаф, скидываю на пол куртку со своей вешалки, и несусь к гостям, чтоб показать. Ожидая услышать от Тети Наташи возгласы удивления,

встречаю хмурый взгляд на мою вешалку. Я понял, что что-то не так, что ей не понравилось. «Красивая, но немного кривая. И вот здесь нужно было получше шкуркой постараться». «Блядь, ты что охуела, тетя Наташа?!? Отъебись от моей вешалки, сука!» Я так не сказал. Я так еще не умел. Я взял вешалку и стыдливо закинул ее в самый дальний угол, а потом через несколько дней и вовсе выкинул. Кто-то скажет, что мир катится не туда. Есть такое чувство. Новые технологии, бесконечные рекорды. Гендерные вопросы. Проблемы меньшинств. Он родился геем, или она хочет сменить пол. Они имеют право, как и любое существо на земле имеет право отстаивать свои интересы и быть счастливым. Я согласен. Полностью. Они найдут свое счастье, либо их дети обретут его. На все нужно время. Но иногда мне кажется, что лучше бы меня пристрелили нахуй в тот день после урока труда, чтобы я не тыкал в Вас своими кривыми вешалками, чтобы не стонал об внутренней верховодящей пустоте. Было бы проще. Но этого не сделали. Поэтому держите красивый рубиновый закат в моей ненаписанной книге.

10 Иду к тебе

Я в очередной раз не пошел на работу. Слушал Markus Stockhausen альбом Eternal Voyage и снова представлял идущий по пустыне к оазису караван. Чем-то привлекал меня этот образ – размеренные качающиеся шаги двугорбых верблюдов по тысячелетним тропам вдоль скалистых выжженных солнцем и ветрами гор. Я лежал и почти не переживал, что надо бы чем-то заняться. Иногда думал, не уволят ли меня за прогулы или как ко мне относятся сейчас на работе, поверили ли они, что я приболел, думал, о чем думает Ира. Как-то мы встретились с ней в столовке у кофемашины. Она улыбнулась мне, и я тоже попытался, скривив неловко губы. Мы молчали, я пропустил ее к кофемашине и сел за стол, наблюдая за ней в облегающих джинсах. Мне казалось, что я видел ее добрую улыбку сквозь ее затылок, сквозь пышные темные кудри, стремящиеся к точеным желанным формам. Ира улыбалась мне как будто любовью, я сопел кофе и наслаждался близостью. Что-то высокое было в этом, что-то такое, что будет вызывать восторг у потомков. Это точно будет шедевром, это точно изобразит нищий гений, положив яркие сочные краски на холст в полутемной жалкой коморке, изобразив вечность – так они делают, это их удел. Я это почувствовал и потрогал момент.

А, может, поехать к её дому? Я собрался и вышел. Как всегда, меня точила снедающая тревога, хотелось скорее дойти до машины, никого-никого не встретить по пути, хотелось, чтобы вообще не было ни души. На КАДе были сплошь грузовики. И вдруг начался дождь. Сначала накрапывал, потом сильный. Я не был на работе, но ощутил себя в клетке, душной, давящей скользящими по лобовому стеклу прутьями грязной воды. Клетка – в голове. Моя клетка – мое пустое одиночество. Я не хочу никого видеть, не хочу никаких ебаных соседок у парадной, никаких грузовиков, но жажду, чтобы кто-то был рядом. Зачем? Может, мне не хватает какого-нибудь витамина? Может, дело в этом? Я ищу сложностей, а всё ведь просто. Ведь так? Тут на КАДе среди грузовиков и ливня, на пути к её дому самое место найти ответ на этот вопрос.

– Что ты делаешь в крайнем левом, дебил?! В тебе 10 тонн!! – Я почти закричал.

Antimatter – God is Coming на полную. Перестраиваться сложно, главное, чтобы не выбросило из колеи как в том видео из ДТП и ЧП СПб. Я несусь. Вдруг оглушительный звонок, я достал телефон из полочки под магнитолой. Это она. Это ОНА. Ира. Сердце забилось громче музыки. Дуф-Дуф-Дуф-Дддуфф-Дддуфф. Надо брать трубку. Шум резонирует в пустой голове. Я еду к тебе, ты вообще знаешь? Ты в своем мирке, думаешь, что приготовить на ужин, в какой магазин по пути заехать, что заказать на обед, или, может быть, в

офисном холодильнике осталось что-то со вчера. Думаешь, куда отправиться на выходные с мужем и дочкой, и вообще скоро отпуск. А я еду, блять, к тебе!! Ты это понимаешь?! Я – это ты, мое сердце бьется в твоем теле, и я даже уверен, что ты почувствовала сейчас это, ты почувствовала оглушительные удары и сказала себе: «что это, что произошло?!» Я сейчас отвечу на твой звонок, приложив телефон к своей башке, и ты услышишь, как пульсируют мои виски!

Отвечаю:

– Да, все хорошо, спасибо, что-то неважно себя чувствую. Да. Нет. Сейчас. Погоди. Посмотри в папке в моем шкафу. На средней полке, слева вроде. Да. Там найдешь. Ага. Завтра, скорее всего, выйду. Спасибо. Да, давай!.. (я еду к тебе, ты меня обнимешь? Я тебя обниму. Как во сне. Да. Крепко. Очень крепко. Наверное, долго не буду отпускать. Я буду дышать тобой. Я сраный школьник. Да. Мне шестнадцать. Я еду к тебе)

Antimatter – Angelic. Закройте глаза. Послушайте. Если где-то сейчас над вечерней скалистой пустыней летит самолет, цепляя крылом обглоданные ветром и солнцем горы, то, посмотрев в иллюминатор, можно будет увидеть караван. Это я иду по тысячелетней дороге вдоль этих безучастных горных цепей. Иду к тебе.

Да, я примирился, я ничего не мог поделать. Пилы и синусоиды выравниваются, превращаясь в прямую линию и сон-

ливость, ведь глупо злиться, глупо обижаться, ведь любовь, кажется, – она одна и для всех. Когда я тогда сидел и сопел кофе в столовке и наблюдал за Ирой, когда мы были там только вдвоем и кофейный дух дурманил и соединял наши с Ирой организмы, вошел чувак из другого отдела. Высокий, лет тридцати пяти. Черная футболка облегала его накаченную грудину и бицепсы, а тугие джинсы подчеркивали выпирающую как-то нелепо назад слишком узкую жопу. Я разозлился вторжению, но лишь факту вторжения, как будто муха залетела на кухню и приземлилась на твою отбивную. Вдруг случилось страшное. Чувак подошел и приобнял мою Иру, играючи и просто, как даже я бы себе не позволил. Его жилистая лапа не задержалась на Ириной талии и соскользнула вниз к замызганному полу. Там место твоей наглой лапе, подумал я, на грязному затоптанном полу с неоттертыми каплями пролитого кофе и сливок, словно говна и спермы. Но самое страшное было потом. Ира улыбнулась ему и посмотрела на него, подняв голову. Чувак был достаточно высоким, чтобы добрая улыбка окрасилась в вожделеющий взгляд закатанных глубоких карих глаз, обнажающих девственно молочные белки. Она улыбалась чуваку и пухлые губы шевелились, изрыгивая слова, теребящие наполненный похотью кофейный воздух столовки. Это было слишком для меня, и я удалился. Потом я кажется видел, как чувак тесно прижимает Иру к стене около туалета и его рука, задрав юбку, тянется к пульсирующей влажной плоти Иры, минуя на-

гретые кружева и мурашки гладковыбритой растительности. Возможно, это играли со мной призрачные офисные тени.

***

Ее глаза могут быть чем угодно. Ее голос может быть чем угодно. Мое бездумное существование нарисовало огромный океан, где пустота – не пустота, а изумрудная толща воды, где утро – стая дельфинов. Они, искрясь, приглашают тебя во что-то беззаботное. В счастье и раскатистый скрипучий смех, который не обязывает. Не может быть ничего серьезного! Они приглашают тебя потрахаться, группкой, под стыдливые косые взгляды китов. Печальных китов, вливающих в необъятность моря душный плачущий стон. Я – блядь плачущий кит. Пошли вы все на хуй!!! Не позволю, чтобы любовь стала пошлой похотливой сукой. Н-а-х-у-й! Только не здесь. Не сейчас! Я лучше покончу с собой. Утоплюсь в изумрудной пустоте под скрипучий смех трахающихся дельфинов.

Часть 2

11 Друг

Мой друг высокий и стройный. Он предприниматель и музыкант. Иногда мне кажется, что где-то, где распределяют жизнь, все перепутали и поменяли нас местами. Но не потому, что он вполне успешный человек, и на жизнь ему и его семье с двумя детьми хватает. Просто я смотрю на него и думаю – он – это я. Порой мне кажется, то, что досталось ему – как раз этого то я и лишен. Потом я думаю, когда идет дождь, наши потекшие размокшие маски и то месиво, что обозначает наши тела – никто и не отличит, и мне становится спокойнее. И новые места с вызовом смотрят на обозначение нас, для новых мест – мы одно целое. Какая, собственно, им разница, сколько ног у существа, чтобы розовая пасть заката сожрала его. Еще мы, бывает, размышляем о требухе вечности. Так мы это в шутку называем. Как умеем, конечно. Существо зовут Александр, и он всегда готов прийти на помощь. Вот и в этот раз он приехал по первому зову, когда мне было плохо. Но по телефону я почувствовал, что друг тоже не особо радостен в этот день. Поэтому я стал предвкушать, что нас ожидает дорога, новые пейзажи и дальние дали. Мы, казалось, нашли в этом хоть и не смысл, но цель,

заполняющую лекарством кровавые трещины. Но этот путь без конца – только смерть. Мне кажется, когда-то нас занесло на заснеженной дороге, и все, что после того момента – попытки вырулить. Да, сейчас мы дали руля в сторону заноса, да, кажется, еще пару секунд и машина выровняется. Но вот нашу жизнь повело уже в другую сторону, и опять стремительное движение руля. А не слишком ли резко? А, может, недостаточно? Неуверенность здесь приводит к смерти. И так, однажды превысив скорость, наш занос стремится к бесконечности.

Мы сидим в парке, и светит солнышко. Развалились на скамейке. Внешняя безмятежность, но внутри бушует непоседливая тревожная мысль и страх.

– Мне часто снятся самолеты, которые не могут взлететь. Они такие огромные и толстые животные – сказал я.

– Я не вижу снов – ответил друг.

– Какие новости?

– Никаких.

Я задумался и замолчал.

– Слушай, как ты думаешь, почему она всегда называет меня по имени? Я вот называю по имени только очень дорогих мне людей – спросил я.

– Поэтому ты запал на неё – сказал друг.

– Ха-Ха, смешно, педик! Наверное… Я пригласил её про-

гуляться на обеде.

– И что она?

– Ничего.

– Как ты себе это представлял, ты же стремный! – усмехнулся он.

– Спасибо! Люблю тебя за это. Не знаю. Мы бы пошли в сторону Невы, или прогулялись бы по Дегтярной, прошли бы мимо 3-й Советской.

– И что там? – как будто скучая или думая о своем, спросил друг.

– Ничего, мне там хорошо, там мало народу.

– А ты думаешь, что ей там понравится? Слабо верится. – невольно нахмурился друг и проследовал взглядом за девушкой на пробежке.

Внезапно друг встрепенулся и достал свой телефон.

– Хочешь, покажу её фото? – спросил он.

Друг был влюблен в девушку на своей работе. Схожая история. В пизду такие истории, если честно.

– Какая-то она чересчур стройная, скажем так. Мне нравятся формы, как дамы на картинах Дейнеки – ответил я.

– Ты бы хотел стать нефтью? Чтобы, например, тобой заправили автомобиль и поехали в долгожданное путешествие, радовались ослепительному солнцу и любовались протекающими за окном цветущими пейзажами и были бесконеч-

но счастливы. Или бы обогрели тобой дом на крайнем севере, спаслись от безжалостного мороза на одну ночь. Или хотел бы стать нефтью и быть использованным в экспозиции выставки какого-нибудь молодого перспективного художника-пидараса? Это так иронично. Твоя материя на выставке, куда пришли поглазеть, подумать, задать себе вопросы или найти ответ, задуматься. И потом с утра пойти на работу к восьми, ненавидя свою жизнь.

– Пошли бухнем.

12 Карелия

– Давай в Карелию! На пару дней. Переночуем в Петрозаводске.

– Хм. А поехали! Надо взять отгул – с радостью ответил я.

Мы отправились в Челмужи. Там отдыхала девушка, в которую был влюблен друг.

If I could stop the time to reach for sublime
things getting strange like up and down
if you could read my mind it`s hard to find
I said I want you back but this is no regret
it`s my point of view and I`m going through
so take me away just for one day
I´ve never seen someone like you before
in my dreams I saw you standing there
I´m going out no more since I heard the news
there`s someone else you choose
I can`t believe what they said
that`s why I feel so bad
moring, noon and night
my thoughts run circles without any purpose
I can not stand no more – it`s like a circus
I want to repeat, there`s nothing wrong I`ve done
She`s the sun

Деревья мелькали в верхнем углу лобового стекла, подобно киноленте сменялись кадр за кадром на фоне разбавленного закатными фламинговыми лучами голубого неба. Мы ехали молча, думали о своем. Играл Scooter – единственный коллектив, который нравился и мне и моему другу. Вообще да, у нас сильно мало общего, разве что некоторая потерянность в этом мире. Два ебаных странника духа, несущиеся со скоростью сто шестьдесят по извилистой дороге Карелии. Один – мотыльком летел ближе к своему огоньку, другой – пытался понять, какой длины тоненькая шёлковая нить, крепившая его к дому, над которым пролетают самолеты.

Я попросил остановить. Впереди была разрубленная скала, в которую шла дорога. В стороне от дороги – небольшое озеро, окаймленное елями, образовывало почти идеальный овал. Стелился туман. Я вышел и стал смотреть. Я не верил, что нахожусь здесь, мне казалось, что это другая планета. Светила луна. Ярким потусторонним фонарем. Если бы из-за горизонта выкатилась еще одна луна, я бы не удивился – это только бы подтвердило, что мы на другой планете. Свежесть околоплодной водой омывала меня в утробе этого северного леса. И имя ей – одиночество. И имя всему – одиночество. Я люблю одиночество в такие моменты. Когда такие неземные пейзажи. Только потом думается, что хочется поделиться этим с кем-нибудь. Неужели нет на свете той, кому я смогу показать магию этой внеземной ночи? Но следом

червоточинкой возникает: «зачем?»

– Смотри, как красиво! – воскликнул я.

– Да, потрясающе, как будто на другой планете – ответил мой друг.

Мы отправились дальше. Путь был почти пустынным. Изредка пищал антирадар. Выехав из очередного населенного пункта, мы нагнали машину ДПС. Она ехала километров семьдесят пять. Нас не устраивала такая скорость, и мы злились, тащились за машиной ДПС уже почти ночью по этой пустынной прекрасной дороге. Наконец, ДПС свернула, и можно было закончить эту комедию хороших дорожных манер. Мы рванули. Заиграл No Fate, сделали погромче. Боже, какая прекрасная ночь! Скоро уже ПТЗ и хочется лечь.

Мы переночевали в Петрозаводске, на утро дошли до набережной, потом сгоняли в Спар за салатиками на дорогу и поехали в Челмужи.

Было солнечно, и это не могло не радовать. Шорты, футболка, шлепки и телефон в кармане – всё. Ехали мы быстро. Вот уже Медвежьегорск.

Мы добрались до места. Я переоделся в одежду поплотнее, так как вечерело и было много комаров, и остался на автобусной остановке. Друг свернул с асфальта и устремился в лес по проселочной дороге. Я решил пройтись. Сойдя с дороги, я пробрался по ухабам и как будто воспарил – воз-

душный ковер из мха устилал весь лес. Я поприветствовал лес и его духов, ведь я зашел на чужую территорию. Так я себя ощущал. Побродив минут тридцать по волчьим тропам и волнистому мху, я вдруг подумал, что мы не условились, как поступать. Друг просто сказал, что поедет к ней, может, задержится, а, может, сразу вернется. Я же должен был либо ждать его, либо сесть на автобус и доехать до ближайшего населенного пункта и ждать там, где будет связь. Я уже представлял, как он выезжает обратно на дорогу, не встречает там меня, и, думая, что я сел на автобус, едет до ближайшего пункта, до которого, между прочим, километров двадцать. Блядь! Я ринулся на остановку. Там никого не было. Телефон не ловит. Мне ничего не оставалось, как понадеяться на удачу и просто ждать. Скоро будет темнеть. Проезжих автомобилей было мало. В метрах ста я заметил человека с рюкзаком-мешком, сидящим на обочине. Он косился на меня. Наверное, сбежавший зэк. К нему лучше затылком не поворачиваться. Уже прошло минут сорок. Из леса никто не выезжал, автобуса не было. Человек вдруг поднялся, схватил рюкзак и направился в мою сторону.

Удар, и картинка доезжает следом за головой, расплывчатая и мутная с пленочным завалившимся лесом и северным небом в зерне, следующий удар – сомкнутые глаза и скрип головы уже в другую сторону и треск о стенку старой когда-то синего цвета остановки. Ломанные ритмы музыки доносятся эхом из земной мантии, вибрации бухающей бочки

подбрасывают мое невольно танцующее тело, замирающее в воздухе и падающее плашмя обратно на землю – крышу карельского клуба, в котором гудит дикий северный рэйв. Я понимаю, что это какой-то новый никому не известный ремикс на Enjoy a Silence, я жду, когда ломанные нервные барабаны, точно быстрее 160bpm, замолчат, и я наслажусь, наконец, тишиной леса, его бесконечностью. Вдруг мое покореженное тело проваливается, и я оказываюсь в родной синей Джетте друга. Я смотрю на него. Он молчит и сверлит бесконечность. Слезы катятся по его лицу. Стелится густой туман, но плотнее него великая окружающая нас тишина. И имя ей – Одиночество. Я понимаю его, он просто хочет жить, просто цепляется за жизнь своими слабыми руками, всем, чем может только ухватиться, чтобы не оторваться и не улететь в холодную леденящую пустоту. А жизнь для него – любовь. Его любовь, какая есть. Я понимаю его. Где, как не в Карелии можно по-настоящему это понять?

– Там печеная в костре картошка на заднем сидении.

– Вы хорошо провели время, похоже.

– Мы запускали с ней катер в озере. Она очень красива в купальнике. Никелированные брызги воды вдруг вспыхивали огнем в глубине ее малахитовых глаз.

13 Великий Новгород и Псков

Великий Новгород просто поразил нас, но надо было следовать дальше. Его набережная, в будущем, может, в недалеком, обязательно превратится в какую-нибудь отутюженную современную локацию, но сейчас она имеет свой неповторимый шарм со своим старым зернистым асфальтом, бетонными советскими покренившимися бордюрами у кромки воды и старыми газонами с побеленными поребриками. Зато всё ухожено и чисто, и, вообще, мне эти пейзажи показались очень знакомыми, я видел их где-то на картинках. Потом я вспомнил, что обмелевший Волхов здесь точь-в-точь Арно во Флоренции. Мы сделали прощальный обход и сели в авто. Вспоминался вчерашний вполне идеальный день, с дорогой до Великого Новгорода, шашлыком почти напротив его Кремля рядом с какой-то гостиницей и ментовским домом – но все было чинно. И рассуждения о смерти у стен Юрьевого монастыря, в котором мы оказались совершенно случайно, катаясь на велах и увидев вдалеке отражающий вечернее солнце золотой купол. Там застыло время, и смерти как будто не существовало вовсе, и можно было говорить о ней совершенно свободно, без страха, без брезгливости, не пытаясь подобрать нужные слова, сглаживая неприятные углы, говорить о ней как о прекрасном чуде. Тишина и пение птиц, и вековые, почти тысячелетние камни.

– Мне кажется, я уже все сделал в этой жизни, я все сделал в этой жизни, я остаюсь здесь – подумал я. – здесь не ищут смысла.

Потом мы возвращались в город и видели заброшенную церковь 12го века с погостом. Смерти нет.

Подъехав к гостинице в Пскове, которую забронировали еще из Новгорода, мы поняли, что это совсем не наш вариант. Какой-то мотель для дальнобоев. Мы отменили бронирование и стали искать место поприятнее.

– Вот оно!! Прямо на набережной на крепостной стене, недалеко от кремля.

Нас встретила дама с двумя детьми. У нее были кудри до плеч. Она была в облегающих серых джинсах, которые подчеркивали ее прекрасные бедра. Я почти влюбился в этот сок. Как бы заполучить такую даму на веки? Она отдала ключи и села в Инфинити. В пизду.

Чудес не бывает – сказал я другу. Мимолетный поцелуй пространства и времени пьянит, но свежее утро всегда расставит все на свои места; смирись, не потакай своему тщеславию, кому и что ты хочешь доказать? Только себе, потому что остальным – похуй! Будь счастлив просто так. Я разбушевался, трясущееся смятение растворило мои мысли, голова стремилась пустить трещины от давления образовавшейся в черепе жидкости, от черной ярости, настолько черной и поглощающей разум, что только безразличие было способ-

но ее абсорбировать, холодное одиночество и исчезающая жизнь. Меня спас город, он опустел, как и все провинциальные города после десяти вечера. Если бы я писал книгу, то я живо изобразил, как, идя по пустынной улице вдоль чередующихся между собой тысячелетних храмов, пыльных бараков и ресторанов-шашлычных, мы встречали загулявших художников, как случайно зайдя в кафе «Крепость», расположенное на первом этаже панельной пятиэтажки, пил водку местный поэт вылитый Хемингуэй, рассказывая, что почти уверен, что его постоянно преследуют какие-то люди, что следят за ним, что, скорее всего, это его чертова жена, что из-за этого он почти не может больше писать, и прочитал бы что-то из раннего. Я обязательно изобразил бы, что мой друг в поисках любви завел меня в местный бордель, но я, понимая, что после наступит минута расплаты, ушел, зная точно, что выйду в темную ночь, и вымерший город спросит меня с укором, этого ли я хотел. Я шел и думал, нет – я тихо пел Оду старине, что сотни лет назад, чтобы выжить, надо было строить толстые стены из камня. Я представлял, как смотрю в бойницу и вижу приближающиеся издалека тысячи факелов, и как пылающие стрелы летят на тебя, и как тебя охватывает ужас. Но смерти нет этой ночью. Я почти уверен. Я не боюсь.

Trudge – And I`m Losing my Mind Again – врывались в ночную улицу мои JBLки, резонируя в густой листве, тысячелетних стенах и тревожных снах жителей невысоких панелек

на крепостной стене.

Утром меня разбудил шум самолёта, как будто бы прямо над головой. Я даже немного сжался, воображая, что он пикирует, дымясь черным, и сейчас рухнет прямо на нас. А утро было прекрасным! Из окна виднелась часть кремля, стоящая в зеленом цветущем парке. На противоположном берегу реки Великая было вытянутое здание, какое-нибудь советское КБ, ночью думалось, что это тоже средневековая цитадель. Мне хотелось скорее встретиться с хозяйкой квартиры, чтобы отдать ей ключи. Хотелось её увидеть. Хотелось обнять ее, чтобы она меня тоже обняла, чтобы шепнула мне на ушко: не смей волноваться, не смей, просто продолжай, я всегда буду с тобой – слова, которые стоят жизни, если их произносят в скорбные утренние минуты. Если бы я был «нормальным», то рядом сейчас была бы она, а не храпящий друг на соседней койке. Нет, я не против друга рядом, но я уверен, что он подумает точно так же, когда проснется.

Вечером он созванивался со своей возлюбленной, она рассказывала, как училась в Пскове, рассказывала, что ей тут очень понравилось. Он улыбался, а в конце разговора вырвалось смущенное «пока, Моя Хорошая». В ответ было «пока». В оставшийся вечер мой друг был молчалив. Не думаю, что он был несчастлив в этот вечер, не думаю, что он хотел, чтобы вместо меня была бы она. А, может, и хотел. А я же гадал, почему мне так нравятся крепостные стены. А еще

вспоминал родителей, которые по молодости любили гулять по ночам, оставляя меня одного дома, думая, что я уснул. Потом мы зашли в «Трактир 903». Сели на стеклянной террасе и выпили по бокалу итальянского Кьянти, возможно, это было Крымское, так как мы так себе винные критики. А затем чего-то еще грузинского. И еще. Другу понравился аромат, и он сказал, что главное – послевкусие. Во всем. Я не стал спорить.

– За мутный взгляд!

Мне захотелось послушать какое-нибудь темное техно с утробной бочкой. Что-то типа Kasst. Чтобы она проникла в мою кровь и смешалась с выпитым вином, чтобы этот коктейль ударил еще сильнее. Смерти нет. Точнее не было вчера.

А сейчас пора домой. Трасса Е-95 ремонтировалась. Мы не раз пережидали встречный поток, так как работала одна полоса. Ехали как обычно быстро, и часто были первыми у красного светофора, наблюдая, как навстречу несутся грузовики и в последний момент сворачивают перед нами на свою полосу. Пару раз было прямо страшно.

Когда человек счастлив, он редко интересуется вопросами смысла жизни. Мы поняли, что слишком часто задаем друг другу подобные вопросы. Но я бы не стал говорить, что я так уж несчастлив, бывает и хуже, но мне плевать.

Мы шли по Грибоедова, в конце его. Я вспомнил, как давно был в одной из этих парадных. Мне показали четырех девушек, мамка, как и водится, тучная южная женщина, разозлилась, когда я ей сказал, что нет – ни одна из них. Я бы не сказал, что мне и вправду не понравилась ни одна из девушек, просто я понял, что не моё это – нет! Мамка поливала меня словесной грязью, большая часть которой мне даже была непонятной, а потом, когда я решил спасаться бегством и стал спускаться через одну ступеньку, ненавидя свои слишком короткие ноги и себя в целом, она сверху на лестнице облила меня чем-то из ведра. Надеюсь, это была просто вода, но я даже не помню. Мне было все равно тогда, я как не я дошел пару кварталов до машины, сел и поехал, первые полчаса не понимая, куда еду. Я впервые решил рассказать другу эту историю. Мне показалось, что он хотел посмеяться, но из чувства такта не сделал этого. Хотя я посмеялся бы вместе с ним. Погода была прекрасная, природа нас балует в последнее время. Уже темно, но пришел не ночной холод, а пока лишь легкая свежесть, приятная и убаюкивающая. Мы решили поставить жирную точку в нашем мини-отпуске и пошли искать винный магазин. Это был отпуск вина, разного, не всегда хорошего. Тут много КиБ – чего сопротивляться?! Взяли бутылку и поехали к другу. Там он достал обязательный его атрибут охуенного вечера – небольшую советскую металлическую елочку со свечками. Верх её крутился, движимый поднимающимся нагретым воздухом и

гремел подвешенными листиками. Мы довольно быстро накидались. Были попытки поговорить о вечном, но они скатывались в размышления о всякой требухе. Но было и так душевно. Нас развезло, казалось, ни сколько от вина, сколько от дороги из Пскова. Я решил, что пора и честь знать и полез в телефон заказать такси. Поняв, что что-то дорого, я сказал – в жопу, доеду на веле. Друг не сильно меня отговаривал. – Да тут ехать 15 минут – с этими словами я натянул всё, что у меня было, так как внезапно питерская погода решила высказаться, и вышел на сильно посвежевший воздух. После теплой нагретой елочкой и вином квартиры на улице мне показалось холодно как в аду, в глубоком северном аду. Пятнадцать минут растянулись в час или два. Я не умею ездить без рук, поэтому одна постоянно мерзла, пока другая грелась в кармане. Вместо бодрости была какая-то грань между сознанием и сном. Я ехал почти с закрытыми глазами вдоль какого-то ржавого леса как в зоне отчуждения. Впереди было два гребанных моста с крутыми подъемами, сразу нареченных мной в венецианском стиле Ponte dei Sospiri – Мост вздохов. Я точно сдохну не доехав. Вот такая вот гребанная Венеция. Еще из-за ветра в мои уши как будто вколачивали гвозди всю дорогу. На самом деле, я не помню, как добрался. Помню уже утро. Я дома и совсем близко к ней, к дому, над которым пролетают самолеты.

14 Маяк

Я привез Ире из Пскова плитку Фазера с фундуком. Вручил ей, прикрыв словами благодарности, что помогла с отчетом. Между строк сочилась моя любовь, сокровенная и цельная как фундук. Только ей одной, специально чтобы никто больше не видел. Ира же не нашла ничего лучше, как вспороть обертку, раскрыть сверкающую нагую фольгу и выставить жертвоприношением на наш бухгалтерский алтарь, чтобы все распробовали мою какао-бобовую кровь, смеясь и жалуясь на хуевую питерскую погоду в это утро, рассказывая, как ветер вырвал зонт и как автобус облил водой из лужи. Потом зашел тот чувак из другого отдела, который, кажется, лапал мою Иру у туалета, и со словами – а что это у вас тут – отломил кусок моей к Ире любви своей мускулистой лапой. Глупое я создание. Ненавижу, всегда выходит так, как было тогда в детстве на Вербное воскресение. Я не заметил, что загулял со своими друзьями, но ведь не было поздно. Я с какой-то детской нежностью нарвал вербы маме и отправился домой. Открыв дверь, я наткнулся на желчный светящийся в темноте прихожей силуэт матери, которая принялась на меня истошно кричать. Я тогда не понял, заметила ли она, что я держу вербу, сорванную специально для нее. Это все, о чем я тогда думал. Заметила ли?!! Главное, чтобы не заметила. Обосранный и облитый гневом, спрятав эту вербу за свои

маленькие ножки, я попятился назад вниз, чтобы избавиться от букета, попятился, не оборачиваясь, утыкаясь взглядом в желчный силуэт, чтобы зверь не накинулся и не разорвал нелепые обнаженные чувства, спрятанные за худыми детскими ножками.

Ничто не могло меня успокоить. Я отпросился с работы, сел в маршрутку и отрубился там. На следующий день я послал всех к черту и взял больничный. Было солнце, а потом легкий летний вечер. Я бесцельно катался на скейте и, останавливаясь на скамеечках, уже мог мечтать, любоваться небом. Заходил в тиндер, но больше по привычке. Мне было в целом хорошо, и этот вечер принес мне подарок, непрошенный, беззаботный, как лето. Это были совпавшие пары и недолгие, но результативные переписки. Я договорился на завтра о встрече и поехал домой, ощущая, как фонарные столбы вечернего города, изгибаясь в наплывавших сумерках, превращались в южные высокие пальмы.

Мы гуляли в Зеленогорске. Был вечер следующего дня.

– Но тут нет маяка – сказал я.

– Странно, мне говорили, что есть – ответила Диана.

Диана оказалась очень красивой и пугала меня этим. Ее черные волосы были убраны в небрежный помпон на затылке, но непослушные локоны все равно выбивались и играли с ветром, скользя по открытым белоснежным плечам.

– Знаю, в Кронштадте есть, и даже не один в окрестно-

стях. Знаю, есть на южном побережье Финского. Но, что тут, не слышал.

Мы шли по песчаному пляжу. Вечерело, и песок остывал, даря нашим босым ступням последнее тепло. Вместе с сумерками пришел легкий ветер, и дуэтом с финской водой они пели литию по уходящему дню. Тревожные звуки окружили нас, и я взглянул вдаль сквозь потемневшие кроны деревьев в поисках ацетиленового теплого света несуществующего маяка. Черное платье Дианы продолжало дрожащий морской пейзаж. Я никогда не считал Балтийское море настоящим морем, так как оно, даже когда неспокойно, не радует бурлящими накатами волн, как в южных морях. По крайней мере, у нас в окрестностях. Но сейчас это были почти настоящие волны, дробящие заунывный голос ветра. – Где же этот свет?.. – думалось мне.

Мы отправились в сторону выхода.

– Я знаю, тут есть церковь и костел. Давай туда сходим – сказала Диана.

– Я не против.

– А как быстрее до Хельсинки доехать? Я слышала, туда ходит поезд – поинтересовалась Диана, пытаясь заполнить наступившее молчание.

– Да. Он идет вроде часа четыре. Это самый быстрый путь. Но это недешево. Можно съездить в близлежащие от границы городки, типа Лаппеенранты. Там тихо и уютно. Есть кре-

постные валы и старые, но ухоженные деревянные здания. А Хельсинки – тот же Петербург, почти та же архитектура. Но я могу ошибаться. Я не знал, что еще говорить, я говорю только тогда, когда тишина становится невыносимой.

– А кем ты работаешь? – поинтересовался я.

– Ну, вообще я драматург, но это не приносит достаточно денег, и я подрабатываю журналистом.

– Ты серьезно?! Ты что-то ставила?

– Да, но там, в Перьми. А кем ты работаешь?

– Я сижу за компьютером и жду, когда к нам в офис заглянет солнце.

Мы подошли к костелу. Вокруг были деревья, черно-белые из-за опустившихся сумерков, на них сидела стая птиц, почти как у Фукасэ.

– Где здесь вход?

– Не знаю. Давай обойдем.

Ни одна дверь не открывалась, и мы решили пойти в сторону православной церкви. Мы молчали. Я думал, что все писатели работали журналистами, ну или многие, про которых я читал.

– Я хотел бы написать книгу. Я даже придумал название. – сказал я, а потом продолжил – А ты про что пишешь сейчас?

– Не могу сказать, нельзя выговаривать свои мысли, пока ты не закончил.

– Зря я тебе сказал, как называлась бы моя книга.

– Не знаю… Только… Если хочешь написать, то пиши! Обязательно пиши!

Время шло, и пора было возвращаться в город. Хорошо, что дневные страсти и суета города утихали. Можно возвращаться.

– Ты как приехала? – спросил я, думая, как бы устроить так, чтобы проводить ее на машине.

– На электричке.

– Я на авто, хочешь, подвезу?

– Не знаю, наверное, не стоит – замялась Диана.

– Не бойся.

Наверное, я не походил на опасного спутника, и она согласилась. Машина была в полукилометре, и мы отправились в её сторону.

– Вот она.

Я нажал на брелок. Авто предательски молчало и не открывалось.

– Опять?! Сейчас? Серьезно?! – подумал я.

Я жал на брелок со всей силы, но ничего.

– Что такое?

– Ничего. Что-то с сигнализацией, извини, я сейчас.

Это было унизительно. Я попросил её не беспокоиться, открыл замок багажника, так как только к нему подходили ключи, и как медведь полез внутрь. Мне говорили, что такое бывало. Надо просто из багажника откинуть сиденье и

пробраться в салон. У меня ничего не получалось. Я рукой вслепую нащупал рычаг, но спинка сиденья не откидывалась. Она не двигалась вообще. Я перевернулся ногами вперед и стал просто бить, пытаясь выломать её. Ничего. Я вылез, с кривой извиняющейся улыбкой посмотрел на Диану и набрал школьного приятеля, у которого купил недавно этот автомобиль.

– Она не открывается, блядь!!!

– Ты что встал под линиями электропередач?! Я же говорил, не вставать под линиями электропередач. Там сигнализация не работает.

– Нет, я встал блядь под гребанными деревьями у гребанной пятиэтажки в гребанном Зеленогорске!

– В Зеленогорске?! Далеко. Жди, я приеду.

Я подошел к ней.

– Извини, электрички, наверное, еще ходят. Давай я тебя провожу.

В тесном вестибюле вокзала, когда она уже прикладывала штрих-кодом билет и собиралась уходить, я нерешительно спросил:

– Может, обменяемся номерами телефонов?

– Давай, ВК. Я там Диана Кадетская.

– Хорошо, я тебя обязательно найду!

Через час приехал друг, залез в багажник и с первой по-

пытки откинул спинку сидения. Это охуенно – подумал я и поехал домой.

Ветер все еще пел свою заунывную песню, но через некоторое время стих, и крупными каплями закапал ночной дождь, прибивая последние остатки дневной городской суеты к печальному одинокому асфальту. Никакой Дианы Кадетской я не нашел. А в тиндере пара была удалена.

– Ловко – подумал я. Странно и.. не знаю. Грустно – то ли слово? Наверное, да. Именно просто грустно.

Увы и ах.

Я спать.

Жаль.

Я проснулся часов в шесть утра от того, что у меня сосало под ложечкой. Мысли были ужасные, впрочем, как и обычно поутру, но в этот раз примешалось навязчивое ощущение собственной ничтожности по поводу вчерашнего дня.

– Зачем я ей рассказывал, что в Хельсинки архитектура, как у нас в Петербурге, и что вероотступничество – это смертный грех, ей, с филологическим образованием – думал я. Лучше б замки в тачке поменял, долбоеб.

Такое впечатление, что солнце уже пекло в полную силу, и было очень душно. Я пытался уснуть, мысли путались. По крайней мере, сегодня Иры не будет на работе, и я смогу спокойно сидеть на своем рабочем месте, и не переживать, вдруг

она на меня смотрит. Поеду на работу на велосипеде – эта мысль немного успокоила меня.

Я гнал и смотрел на асфальт. Яркие точки отражающих солнце частиц асфальта вспыхивали и гасли под колесами. Мне нравились эти падающие под мои ноги звезды. «Мириады падающих звезд» – как пишут в охуенных книжках охуенные драматурги с незавидной судьбой. Еще мне нравилось вспоминать вчерашнюю знакомую, сейчас, когда утренняя тревога отступила. Я думал об её улыбке, она была немного лукавая, но открытая и тоже добрая, как мне почудилось, ведь я падок на доброту, а лукавость, казалось, лишь говорила об ироничном отношении к жизни, с легкостью и интересом встречать все её подарки. Либо я опять себе всё надумал. Но всё равно приятно помечтать, правда?

Она поставила свечку вчера в церкви, я этого делать не стал, хотя, тоже были такие мысли. Интересно, о чем она просила, стоя у этого маленького мерцающего огонька, крошечного путеводного маячка, купленного за 20 рублей, на который возлагают порой несоизмеримые надежды.

15 Череп мертвеца

Я сидел, свесив ноги, у воды в ЦПКиО. Уже стемнело. Мимо проплывали туристические корабли, на каждом из которых играла своя история, свой мирок, чуждый мне. Я сидел, свесив ноги, и ждал, когда волны от этих миров коснутся моих босых ног. В перерывах между кораблями я слышал удивительную жизнь вокруг себя. Щебетали сверчки, проплывали мимо утки, порой рыбы (наверное, большие усатые карпы) издавали всплески воды, казалось, кроме этих редких звуков ничего не существовало, как будто была мёртвая пустота космоса с пролетающими мимо планетами, и я в нём. Вдалеке созвездием мерцал Бустер.

Подошла она, девушка с немного грустными глазами на фото, и села рядом. Проплыл корабль, очень яркий, и осветил её лицо. Да, у неё немного грустные глаза, это всё, что мне нужно сегодня вечером, а, может, и всю жизнь. Мы посидели немного и отправились в путешествие. Я решил не говорить ничего лишнего, то есть почти ничего. Мы сделали круг по вечернему парку, миновали скамейку, на которой я когда-то в обнимку сидел с девушкой, и очень пытался не дрожать. Было прохладно, и я волновался, и не понимал, почему я дрожу, от холода или от волнения. Мне уже очень тесен этот город, я уже сидел на каждой его скамейке и пе-

режил все его состояния, и он пережил со мной все мои состояния. Ничего нового не происходит и не произойдет – я знаю, что будет там, за углом, в мельчайших подробностях, за всеми углами города. Я хотел рассказать это ей, но не стал. К тому же я знал, что она ответит – «от своих проблем не убежишь» или что-то типа того. Мы покружили несколько часов по парку в немом танце.

– Пора домой – сказала она.

– Да. Ты на метро? Может, тебя подвезти?

– Нет, не стоит, спасибо.

– Не бойся.

И опять я не очень походил на опасного спутника. Только вот не повторилось бы дальше по недавнему сценарию. Замки в автомобиле, конечно, я не поменял. Пик, двери разблокировались. Мы сели.

– Может, ко мне?

Господи, что я говорю, я не в жизни не приглашал девушку домой вот так. Но… Чем я хуже старика Чинаски? Её грустные глаза едва заметно улыбнулись.

– Давай.

Я завел свой старый форд и повез её к себе домой вдоль особняков с яркими пустыми окнами. Чем я хуже старика Чинаски?

Мы поднялись ко мне. Сначала я хотел включить Чета Бэйкера, моего любимого джазового трубача, но подумал, что это будет через чур. Я включил Mr.Kitty – самое то для

сегодняшнего вечера. Когда она вышла из душа, кровать была заблаговременно разложена. Она вышла уже в трусиках, прикрывая верх полотенцем, и присела рядом со мной. Мы поцеловались. Я обнял ее, целуя, и повел своим телом её тело на простынь. Я чувствовал, что готов уже накинуться, ворваться в нее, а её рука внезапно оказалась там, где нужно, укрепив моё положение.

– Боже, неужели, это может быть обыденностью, неужели, это прикосновение для кого-то может превратиться в механическое движение, как будто вставить ключ и завести чертов автомобиль. Для меня сейчас её рука – это рука Бога.

Кровать закружилась, и стены комнаты испарились. Мы скользили над северными хвойными лесами, почти задевая вершины деревьев. Звездное черное небо распустило её волосы, сказав: «они для тебя, они мягче пуха, попробуй!» И я попробовал. Я впитывал их и не мог остановиться.

Я прильнул к её животу, и глубоко-глубоко вдохнул, её сладкий запах растекся по моему телу, заполнив каждый мой капилляр. Я спустился ниже к кружевным трусикам на тонком пояске, и сделал то же самое. Я дышал ею, как будто пытался надышаться яркими красками жизни за все эти тусклые безжизненные месяцы, её свежесть растворялась во мне. Мы легли и разделись полностью, отдавшись обнаженными телами девственно белым покрывалам в вопрошающей знаменосных побед акколаде. Пришло время – пора, и только

я об этом подумал, всё с треском рухнуло, в голове что-то как будто щелкнуло и мелькнула мысль – это ебаный конец. Так оно и было. Нужно было найти силы выкарабкаться, спастись, но пришла лишь обезоруживающая злость, затем безропотное повиновение, гнилая жалость к себе и уже старая знакомая Пустота. Хотелось сказать – «Прости, дорогая, я слишком много выпил». Но я не выпил ровным счетом ничего. Я скинулся в сторону и лёг плашмя. Она забралась на меня, но я лежал неподвижно и смотрел вникуда. В темную комнату тусклым светом врывался месяц, в его безжизненных лучах её лицо, нависшее надо мной, отчетливо вырисовывалось в голый череп мертвеца.

Заиграл трек Mr.Kitty – Hold me down. Послушайте его. Помолчите.

Не помню, как она ушла. Я сел на кровати, облокотившись голой спиной к холодной стенке. Я ударил затылком об стенку, потом повернулся и стал бить сильнее и сильнее, пока, похоже, не потерял сознание, или же просто не остановился, потому что пожалел себя. Ничего как будто не было. Плоская белая прозрачность с вытекающими тушью линиями сущности, и ничего лишнего. Вдруг мне представилась прекрасная гора Фудзияма, не в облаках, как она обычно бывает, а под ярким голубым однотонным небом, которое ласкает её белоснежный кружевной пик. Цветёт сакура, и нет ни души вокруг.

И Волна вдруг накрыла меня своим удушливым пенным гребнем цвета тай-дай! Я ощутил рядом нашу кошку, которой я, будучи совсем ребенком, отрезал ножницами кончик хвоста, а потом рыдал один несколько часов. И никто ко мне не подошел, я стоял в углу и бился головой, и пропустил ужин, в детской надежде на прощение. Я вспомнил мать. Вспомнил ее глаза. Вспомнил черно-белую фотографию, где она держит моего еще маленького брата своими молодыми тонкими руками и смотрит на него с неведомой мне любовью. Это любовь, которая не говорит, ничего не объясняет тебе, даже не пытается, ее как будто нет, по крайней мере, если у нее спросить, существуешь ли ты, она с ухмылкой отмахнется и продолжит дальше мыть посуду с влажным полотенцем на своем плече и прикрытыми сиреневым фартуком широкими бедрами. Я чувствую ее присутствие, всегда, но лишь присутствие, она никогда не балует меня своим согревающим прикосновением, всегда проплывает мимо, оставляя меня холодным ламинарным течениям и судорогам.

16 Кошка

В воскресенье утром очень хотелось спать, но мы с мамой поехали на кладбище к отцу. Было пасмурно. Заметно добавилось рядов свежих могил, теперь они точно упираются в густой северный ельник.

– Как все заросло – сказала мама – А ведь хотели по весне приехать все прополоть, если бы не эта чума. Знал бы ты, отец. Прости нас, отец!

Я стоял и смотрел на его изображение на темно-сером граните, которое почти не было видно из-за сорняков. Я бросил взгляд вдаль на северный лес, уходящий за горизонт. Он, любя, но строго, как отец, обнимал кресты и оградки давних захоронений. Над нами летали бомбардировщики и черные вороны.

Мама уже старая, но я этого как будто все еще не вижу, она суетливо разложила пакеты около могилы, достала перчатки и стала рвать. Я стоял и смотрел вдаль. И на бомбардировщики, сверлящие черное небо своими винтами, и оставляющие бурлящие следы за собой. Они вырвались и прилетели сюда из моего сна, из той удушающей ночи. Скорее всего так и было. Мне странно, что мама как будто не замечает меня и бомбардировщики, а только повторяет – Знал бы ты, отец, прости нас, отец. Во внезапной тишине с порывом ветра западали листья, оповещая о вечном круговороте, и где-то не

здесь, но как будто рядом, мне показалось, заиграл пьяный клавесин. Его звук нервущейся ниточкой перешел в целый парад бомбардировщиков, в их стальном пузе я увидел отражение северного леса и взлетающих потревоженных птиц прямо над нашими с мамой скрывившимися черными фигурами.

Подошел гробовщик. Привет, теска.

– Приветствую, миряне! Как у вас? Все хорошо? Памятник ровно стоит?

Я молчу, мама что-то ответила.

– Вот вам моя визитка, можно сделать бетонную опалубку, как вот на тех могилках, чтобы приподнять и сравнять вашу. Будет стоить всего двенадцать тысяч.

Я молчу, мама что-то ответила. Взяла визитку своими постаревшими руками. Я увидел, какие они старые. Она принялась что-то говорить, но я ничего не смог услышать из-за гула пикирующих самолетов. Кроны черных деревьев накренились и затрещали. Очередной порыв ветра вскинул засаленные волосы гробовщика и подол его грязной рубахи и потянул за собой в лес, и гробовщик, повинуясь, ушел. Мама бросила визитку к сорнякам. Я засунул руку в задний карман своих джинсов и понял, что там лежит сложенный лист с давним заказом – эхом былой подработки во французской кофейне на Петроградке. Я достал его, лиловым маркером были выделены слова: «Доброе утро! На телефон могу не ответить. Утренняя йога. Но на iMessage легко =) Очень жду

ваши сырнички на завтрак как можно раньше! Спасибо!»

– У меня андроид, пидор – прошептал я и выкинул бумажку следом за визиткой гробовщика.

Я потащил первую охапку сорняков в канаву, что была за вросшим в землю облезлым военным кунгом без колес, там сидел рабочий с голым жилистым торсом цвета какао и читал Рассказ провинциала за авторством Чехова, хлопал себя ладонью по коленке, изредка поржакивал, хрюкая, и приговаривал:

– Ссск, как же смешно! Молодчага Антон Павлович!

Мне не показалось это необычным. Ведь похвально знать классику. Я вот не читал Чехова, времени совсем нет – не там я работаю, не там – подумал я в очередной раз и стал возвращаться к маме, обходя наглые скамейки зажиточных покойных.

Лето выдалось теплое и дождливое. Наплодилось много улиток, и мама своими инопланетными, цвета вечернего летнего солнца, щупальцами перчаток бесцеремонно вторгалась в их огромный тропический мир вековых сорных эвкалиптов, сея разрушение и хаос. Улитки спасались бегством, уползая на памятник, моля Бога А.Н.А., чей лик был на граните, о спасении.

– Ты их дави и кидай в пакет, чтоб не плодились – предусмотрительно сказала мама. – Дави-дави!

Там жили как и большие взрослые улитки, так и маленькие совсем крошечные улитята, которых я и не сразу заме-

тил. У меня была знакомая, которая, по ее словам, не очень любила животных, но я ей не верил, так как она всегда, когда встречала на пути улитку, которую по неосторожности могли растоптать, убирала ее подальше в траву. С тех пор я питаю непонятный трепет к этим существам и всегда делаю так же. И теперь, в этом городе мертвых, я складывал еще живых улиток с улитятами в пакет, не особо думая о их судьбе. Что эти твари по сравнению с летающими над нами черными бомбардировщиками, врезающимися своими шумными винтами в небо?

– Дави их, дави!

– Давлю, ма.

– Знал бы ты отец, прости нас, отец!

Мама что-то рассказывала, я не особо понимал, что из-за гула пикирующих самолетов. Но я волновался, непонятная тревога пронзала меня насквозь. Проскакивали какие-то слова. Что-то про мышечный релаксант, который кто-то забыл, про какие-то ожидания и мучения, что-то про старый отцовый тулуп, которым кого-то накрывали, про какие-то когти и царапины и истошный крик, что-то про нежную безграничную неведомую мне любовь и пакетики какой-то еды, которые сейчас незачем. Почему-то мне казалось, что мама рассказывала про смерть. Паника овладела мной и стремилась уничтожить меня во чтобы то ни стало. Члены немели, кололись звездочками, сердце невпопад скакало в груди, его стук прорывался сквозь шум бомбардировщиков и слова ма-

мы про смерть. Меня посетила нелепая мысль, граундинг на кладбище – хорошая ли это идея…

Я смотрел в небо. Вспомнил, как мы гуляли с отцом в лесопарке недалеко от нашего дома на Ржевке. Был, кажется, август. Вышки ЛЭП и остов давно сгоревшей тачки. Тропинки в пожелтевшей траве. И заросшая ржавая канава некогда река Лапка, осеченная двенадцатиэтажной панелькой, образовывала мутный небольшой разлив. В тот день обещали неполное затмение, но прямо с утра сверху было затянуто. Я очень хотел увидеть это чудо и был немного опечален; настроение – серый август. Болезненное томное бесцветное ожидание чего-то не очень хорошего. Точнее, ожидание бесцветного ничего. Мне кажется, моя жизнь началась в тот день. Правда, помню, в небе над лесом появился просвет, и я увидел пыльно-белое солнце с откусанным краем. Отец очень обрадовался и сказал – это затмение. Я закрыл глаза, и то небо с надкусанным солнцем четко, как будто сейчас, встало у меня в голове.

Когда я открыл глаза, я увидел черный дым. Стоял ужасный шум неровно работающих двигателей. Бомбардировщик стал неестественно раскачиваться, задирать нос и, кружа, терять высоту. Загипнотизированный этой печальной и почему-то великой картиной я стоял как вкопанный, лишь изредка улавливая обрывки слов мамы. Бомбардировщик

сделал над нами пару кругов и рухнул. Я вжался. Черный гриб вырос за лесом. Наступила тишина.

– Шуни не стало вчера – сказала мама как будто не мне. – Теперь она с отцом. Знал бы ты, отец, прости нас, отец!

Я взял пакет с улитками и улитятами, пошел к ельнику и аккуратно высыпал их там, прошептав в спасительной тишине – слишком много мертвых на сегодня, слишком.

Конец.

17 Mix1

– Я улечу во Владивосток – сказал я.

– Что? Ты оставишь меня одного?! – спросил мой друг.

– Ничего, справишься.

– Что ты там будешь делать? – поинтересовался он как будто не в серьез.

– Не знаю. Гостиницу возьму, наверное, в самом Владивостоке, еще я забронирую авто, хочу съездить в Арсеньев. Помнишь, я тебе рассказывал, что жил там в детстве, точнее под Арсеньевом, в военном городке части, где служил отец.

Мы уселись на скамейке небольшого парка у ТЦ Июнь. Очень тепло. Уже стемнело. Темнота и глухие расплывающиеся желтоватые лучи редких фонарей, перемешиваясь между собой, рождали божественный коктейль, который настаивался и дурманил не хуже алкоголя. Закусывали мы пиццей на вынос. Прекрасные деньки. Я почему-то вспомнил, что ровно на этом месте, где сейчас ТЦ, в детстве был пустырь и насыпь. Помню, как первого января мы с другом шли здесь и искали неразорвавшиеся петарды. Счастье переполняло, когда мы их находили, и со смаком чиркали их по коробку спичек. Этот друг уже давно женат, а я в принципе не отказался бы так же прогуляться и заняться тем же самым.

– Здесь раньше был пустырь – сказал я.

Друг молчал, потом как будто вникуда сказал:

– Мне её очень не хватает. Я вчера сделал ей сюрприз. Я нарезал 100 карточек с желаниями, которые я могу исполнить, и положил в красивую коробочку.

– Хм… романтично. Ты что, романтик?

– Пошел нахер.

– Мне её действительно очень не хватает, – продолжил друг как ни в чем не бывало – мне хочется каждый день дарить ей счастье. Мне кажется, я для этого и создан. Я создан для любви… Иначе я гибну – говорил огромным нелепым тридцатилетним подростком мой друг. И я подумал, он – это я.

– Я не знаю, что такое любовь. – ответил я. – Что она сказала на подарок?

– Ей он понравился, но она отдала его мне обратно, ведь дома муж. Я сжег коробку на мусорке у её дома. Хочешь, фото покажу?

– Давай! Слушай, а неплохо вышло, сделаю это обложкой своего альбома, если он у меня когда-нибудь будет. Я тут решил, что очень бы хотел быть музыкантом и писать музыку. И чтобы типа ты идешь такой по своему району, где сопляком бегал и собирал петарды, и проезжает машина с открытыми окнами, а оттуда Волной играет твой трек на полную громкость. Знаешь, это моя мечта!

– Хех. Пошли, может. Давай зайдем в Токио, возьмем пару роллов. Там сейчас 1+1.

– Я знал, что без этого не обойдется. Конечно, давай.

Мы сели в его авто, припаркованное неподалёку. Воистину красота вокруг! Желтые нежные фонари, как будто приближается октябрь. Я это почувствовал. Приближение настоящей осени с её бодрящей прохладой. Я очень рад, что еще могу получать удовольствие от этого всего, от подарков природы, от её чарующей магии. Это почти эйфория. Это чудесный момент! Я застонал внутри, закатив глаза от оргазма. Но свет фонарей вцепился в мою грудь, въевшись инопланетным чудовищем и впрыснув в мой организм изображение горящей возле мусорных баков самодельной тридцатилетним мужиком коробочки с желаниями, освещающей нелепые белые туфли друга, полные никому не нужной любви. Он – это я. Внезапно, мне стало пусто, пусто, как в моей квартире. И даже разъедающе страшно. Теперь темнота подействовала на меня по-другому. Я как зверь впитал её опасность и прилип к сиденью авто. Я молчал. Начало сдавливать грудь, кажется, это сердце. Похоже, я сейчас умру. Сложно дышать. Похоже, мои руки немеют, в голове стучит. Что же делать?! А если я отключусь, если сердце остановится? Мне кажется, оно сейчас действительно остановится, оно уже, похоже, работает через раз. Блядь, оно вообще бьется?!! Я скинул ремень безопасности прочь.

– Чувак, если я сейчас сдохну, что ты будешь делать? Вот я буду лежать недвижимый у тебя в тачке. Как ты поступишь,

будешь бегать вокруг меня, звонить куда-нибудь?

– Ты серьезно?!

– Да нет, всё норм.

Я пытался держать себя в руках и искал, о чем же приятном подумать, на чем сфокусировать свое мечущееся внимание и кинуть якорь. Но кроме пустой безжизненной квартиры ничего не приходило в голову. Я был слеп. Господи, не хочу туда. Заберите меня кто-нибудь.

Мы подъехали к моей парадной. Было часа два ночи. Тишина двора обволакивала. Мы попрощались. Я подошел к двери, начал набирать код замка. Машина друга тронулась. Спокойствие, шорох шин, ночь… Я один… Опять один. Но из тишины внезапно стал вырастать звук знакомой далекой музыки, становясь всё громче и громче, пока не заиграл на весь двор. Это был мой mix1. Он орал из открытых окон авто моего друга, казалось, на весь город, на всю планету, вырываясь в космос в другие миры. Господи. Я не смог. Я расплакался. Навзрыд. Как ребенок. Мечты сбываются.

18 Тупая история

Во дворах на улице Попова кипела вечерняя летняя жизнь. Один ресторанчик устроил что-то типа барбекю, шумела музыка – какие-то африканские мотивы. Жаркий день засыпал, прекрасная прохлада прибоем наплывала на Петроградку, распространяясь, затекая во все распахнутые двери и арки домов. Мы были под сидром, мы как будто переместились в стратосферу, мелкие частицы воздуха парили в лучах солнца, перемещались, кружили, растворяясь как сахар в янтарном чае. Мимо проходили разные красавицы и модные пареньки. Мне очень захотелось сходить в Сад Ахматовой, мы взяли еще по сидру и пошли пешком. Я шел и рассказывал другу про это место, что, ныряя с шумного Литейного, ты удивительным образом оказываешься в камерном почти мистическом месте, что ты даже не подозреваешь, что оно может быть там. Повседневная расхолаживающая веселая беззаботность сладкой глазурью облепила темный горький шоколад жестокого кровавого прошлого. Сраная комичная фантасмагория! Какие события и люди были под этими деревьями, в этих стенах, а сейчас, прячась от суеты играет пьяное пианинко. Кайф! У каждого свои «места силы», и никто не в праве это судить. Никто. Мы отправились за очередным сидром. Сегодня определенно вечер сидра. Литейный уже не такой шумный. Я шагаю, думаю о Сестрорецке,

я люблю думать о Сестрорецке, и читаю все вывески подряд.

– Слууушай! Тут у меня был угар!!! Короче, я иду и всегда читаю вывески магазинов и лавок, и вообще, все, что вижу вокруг, и коверкаю названия забавы ради. Ну, ты понимаешь. Пошел я после работы в торговый центр в магазин «Компьютерный мир» за каким-то проводом – уже не помню. Купил я провод, долго искал, пошел вниз, а там – коллега с работы. Пройти мимо было неловко. Идем, значит, вместе к выходу. А я, когда вижу вывеску «Розовый Кролик», ну не знаю почему, не могу удержаться и не сказать, прям вслух, как дебил: «розовый КАРЛИК». Мне кажется это охуенно смешным, понимаешь? Короче, заходим за угол, а там выход из торгового центра, и магазин «розовый кролик». И я вслух довольно-таки громко произношу: «розовый КАРЛИК», забыв о коллеге рядом. Не успевая договорить, вижу, навстречу идет, блядь, карлик!!! Ты врубаешься?!? Идет реальный настоящий карлик, как Христос, рассекая глянцевую гладь цоколя торгового центра. Ты представляешь, какова вероятность встретить карлика, когда ты на весь торговый центр орешь, блядь, «розовый карлик». Короче, я вижу это, пространство вокруг замирает… Получилось что-то вроде «розовый карликххх…» «ххх» – пружинило и отскакивало от усмехающихся витрин. Я в шоке, коллега почти ржет, а я красный и… Пиздец. Срам, короче. Очень нетолерантно получилось… В наше-то время…

– Тупая история.
– Да, согласен. Пошли еще бухнем!

19 Родос и ПНИ под Зеленогорском

Я почти перестал ходить на работу и всегда пытался находить новые отмазки. Мне тяжело было видеть Иру, тяжело не думать о ней. Как-то я пытался в очередной раз позвать ее прогуляться на обеде, но она в очередной раз вежливо отказала, отмахнулась, улыбнувшись своей доброй улыбкой. В ее глазах ничего не было, и меня это порвало в лохмотья, я захотел убежать, скрыться от этой далекой безжизненной доброты, которая не касается тебя, а лишь безжалостно отдает тебя холодным теченим и судорогам.

Я рассказал все другу и, недолго думая, мы с ним взяли горящие путевки на море.

И вот я стою у решетки, которая закрывает вход. За ней комната. Точнее просто стены. Потолка нет, но там, где бы он был когда-то, сейчас уровень земли. Земля. Выжженная средиземноморским солнцем древняя почва, а может, это прах тысяч, миллионов людей и животных. Я представляю стены, некогда беленые, с изображением Гекаты, или с каменной Гермой в углу. Представляю, как скрываясь от полуденного зноя там затаилась парочка. За каменными стенами городские страсти, и бушует океан. Я вижу, держась за решетку двумя руками, как парочка сливается воедино, прекрасное неземное удовольствие и приношение властной Гере – суть

одно и тоже. Суть – прах и пыль, и древняя выжженная солнцем земля. Они нежны и робки, они прислушиваются к каждому шороху, но они идут вперед, не оставляя ничего позади. Всё на кон чтобы в конце концов стать средиземноморской пылью.

– Ты где там, бля? – вдруг раздался голос друга откуда-то сверху.

Я вздрогнул от неожиданности и вернулся в этот мир.

– В пизде, бля!

Смотря на старую фотографию уже умершего любимого мной писателя, я всегда удивляюсь. Я почти ощущаю прикосновение духа, он говорит мне что-то, да, он говорит: «разве ты не видишь? Смотри, тень от ручки на двери, рожденная солнечным светом того ушедшего, растворившегося со многими жизнями, рассветами и закатами, дня. Смотри – как облака выстроились в неповторимую небесную мозаику. Это лишь миг, божественный неповторимый ушедший миг. Я вглядываюсь в лицо с живым прищуром, человек на фотографии в улыбке что-то говорит своему собеседнику. Я всегда ищу отражение в глазах, я, конечно, знаю, что там его не будет, но я всегда ищу, надеясь увидеть еще больше теней и облаков, деревьев и цветов, дорог и летящих птиц, кресел и настольных ламп, террас и окон. А вдруг я увижу, какое вино они пили в тот далекий вечер?!!

Стемнело, и мы сидели на террасе ресторанчика, никого не было вокруг, было пусто и в ресторане. Взгляд мой падал на небольшую мечеть и турецкое кладбище. Я и мой друг были в Греции. Мы пили недорогое вино и ждали еду. Я заказал гирос на тарелке, а друг – пасту. Скорее всего я ни о чем не думал. Было и так охуенно. Где-то рядом кипела курортная вечерняя жизнь, компании собирались на ужин. Доносился смех и галдёж. Тут же не было ровным счетом никого, хотя место с виду приличное, и еда, как потом оказалось, неплохая. Сначала я чувствовал параноидальный оттенок тишины, я ожидал удара или пощечины от невидимого врага и не мог расслабиться, не мог принять этот подарок тихого приятного вечера на почему-то пустой террасе. Но потом чудом отпустил. Дал этому вечеру приласкать себя.

Друг мне говорил, что было бы неплохо с кем-нибудь познакомиться. Я, наверное, тоже бы не отказался. Но, находясь здесь уже день, мы почти не встречали русских. Было много немцев и восточноевропейцев. Наш английский был очень плох. И тут мы были на отшибе жизни, но меня это совсем не трогало. Я задумался, что хотел бы быть ремесленником, жить в небольшом домике со своей лавкой на первом этаже, как мой отец и его отец и так далее. Вообще тут довольно бедно, это сразу видно по автомобилям, многие из которых старые и облупленные. Но мне здесь нравилось. Пока властители дум на закрытых вечеринках и аквадискотеках решали судьбоносные вопросы, пока сильные мира се-

го архонты принимали решения, которые повлияют на нашу жизнь, два раба, прорвавшись к средиземноморскому солнцу, найдя безлюдный закуток, пили дешевое вино и были, наверное, счастливы. Знай свое место, раб, тебе много не нужно. Ты одинок, твой город под властью другого более предприимчивого и одаренного гражданина местного Фемистокла. А твое же имя не будет упомянуто даже на задворках истории. Так что нацарапай его на глиняном черепке. Это все, что ты можешь сделать, чтобы плюнуть в вечность, это все, на что ты способен. И нацарапай имя своего друга, и положи в свой кисет, достанешь через тридцать лет серым грязным ноябрем в своей тесной квартирке с окнами на забор огромной пустой территории детского сада, если доживешь, вспомнишь этот вечер, это вино и вид турецкой мечети.

Мы расплатились и ушли. Официанту сказали, что обязательно вернемся. Дурман вина полностью захватил мой разум. Как всегда, лишнее ушло. Я призраком шел по шумным улочкам вдоль ресторанчиков. Не помню, говорил ли мне что-то мой друг. Наверное, мы о чем-то беседовали, возможно, обсуждали встречаемых дам, возможно, каждый из нас мечтал взять какую-нибудь из них под ручку и увести с собой. Мне сейчас кажется, что я так и сделал.

– Как Вас зовут, Прекрасная дама? Мне нужно нацарапать ваше имя на глиняном черепке. Мне будет приятно увидеть его серым ноябрем, когда морщины окончательно изрисуют мое лицо. Я вспомню Ваше молодое личико и эту южную

ночь. Вы видите? Летит самолет прямо над нами, но его не слышно из-за шума веселой бессмертной компании.

Всю ночь орали кошки. Спал я плохо, проснувшись, не сразу понял, где нахожусь. Был довольно сильный ветер, и от того Эгейское море взбушевалось пуще обычного. Мы позавтракали и отправились на наше любимое место, на пляж, где встречаются два моря. Настроение было отличным. Пробравшись по гальке до кромки воды и расстелив полотенца, мы уселись. Прищурив глаза, приподняв голову, и направив лицо ветру, я вкушал. Я почему-то вспомнил, как несколькими днями ранее в Питере на эскалаторе метро девушка спускалась с таким же лицом вниз навстречу поднимающемуся потоку воздуха, я еще тогда подумал: «прямо как будто ловит морской бриз». И вот сейчас я ловлю морской бриз, а вдалеке в полуденной дымке парит турецкий берег. Разворачиваются самолеты на посадку и пролетают прямо над нами, раскрывая свои шасси. Море неспокойное, вскипало бирюзовыми с сединой волнами. Мой друг готовил катера на радиоуправлении. Я сказал:

– Сам поплывешь за ними, если они потеряют связь, или отвалится винт. Я сегодня пасс купаться.

– Да всё будет нормально – ухмыльнувшись, ответил друг.

Закрепив батареи и подключив пульты, он закинул первый катер, а второй дал мне. Они зажужжали на всю округу, но никого почти не было. Мой постоянно переворачивал-

ся, мне не удавалось ловить правильно волны, и я причалил его к берегу и стал наблюдать за мастером. Его катер подпрыгивал на все нарастающих гребнях, нырял и появлялся из воды, выстреливая со скоростью, и жужжание вновь разносилось на весь пляж. Ветер усиливался. Проходила парочка, она остановилась и стала наблюдать, переговариваясь на своем языке. Внезапно катер остановился и перестал откликаться на команды, передаваемые пультом. Туда-сюда, влево-вправо, все кнопки и рычаги – ответа нет. Не теряя время, друг снял рубаху и стал лезть в воду. Я подумал: «ну блин, ну так и знал». Я понимал, что друг вряд ли доплывет до него, а если и доплывет, то вряд ли вернется.

– Стой. Я сам сплаваю.

Я держался на воде лучше, но не был хорошим пловцом. Зайдя быстро, хотя обычно потихоньку заползаю, привыкая к воде, я поплыл. Катер всё удалялся. Я понял, что переоценил мощь волн, но брассом можно плыть бесконечно, так я полагал. Двигаясь от берега, пытаясь нагнать цель, я ускорялся. Пару бурлящих гребней меня прямо почти накрыли, и я немного наглотался воды. Она была очень соленная. «Брассом можно плыть бесконечно» – я вспомнил побережье Японского моря, там мы проводили каждый год дня четыре в августе, когда у отца был отпуск. Мы ездили туда на своей красной праворульной трехдверной Мазде и ночевали в военных брезентовых палатках. Отец учил меня там плавать, повторяя эти слова. По какой-то причине, мне навсегда

они запомнились. Тем временем я понял, что уже выдохся, и чтобы быстрее достигнуть цели, перешел на кроль. Плыл я немало. Удивительно очень немало, хотя казалось тут близко. Наконец, нагнав и схватив катер и развернувшись, я осознал, что беспощадно далеко от берега. Сил у меня уже почти не было, и меня охватил ужас. – Пиздец. Это просто пиздец. Я никогда не доплыву обратно. В этот момент меня окатила волна, и я сильно глотнул соленой воды. Держа катер одной рукой, я поплыл, но мне казалось, что я не двигаюсь вообще, разве что обратно от берега. Нахрена я здесь? Из-за игрушки за 80 баксов. В какой-то момент я просто откинул катер в сторону и поплыл из последних сил. Не знаю, сколько времени прошло – всё, больше не могу. Я перевернулся на спину отдышаться, но очередной бурлящий гребень моментально меня накрыл. Проплевавшись, я увидел, как мой друг полез в воду. – «Нет, не надо! Я доплыву, тебя еще здесь не хватало, я тебя не вытащу!» Мне хотелось это прокричать, но я смог только подумать. Течение сносило меня в сторону, и я уже достаточно наглотался воды, чтобы промелькнула мысль: «это все смешно, всем спасибо, это конец». Брассом можно плыть бесконечно – нет, отец. Н-Е-Т, отец. … я стою в туалете бара на Ваське, стою перед зеркалом. Мне пятнадцать. Я впервые, может быть, нормально выпил, да, я сильно пьян и хочу харкнуть в зеркало на свое отражение, в котором я вижу какого-то урода с бычьей шеей. Я смотрю на себя в зеркало. «Да отец, я урод. Ты прав. Я никто». Я никто.

Я лежу на гальке, волны бросают меня и почти переворачивают. У меня нет сил встать. Грудная клетка с каждым вздохом поднимает мой скелет почти до небес. Я вот-вот воспарю над двумя морями, над моим другом, над этим прекрасным галечным пляжем. Любуйтесь мной. Я живой никто.

Вечером мы сидели в том же ресторане. Мой друг связался со своей возлюбленной. Проговорил с ней минут сорок. Я чувствовал себя очень одиноко, но это не страшно. Я глядел на старое турецкое кладбище у мечети. Изредка пролетали самолеты, я видел их огни: справа – зеленый, слева – красный. Я подумал, что знал, что сегодня мне здесь не понравится, так всегда, не бывает по-другому. Два раза один и тот же кайф не словить. «Пока, моя хорошая». «Пока» – в ответ. Черная ночь, тишина, хоть и так же гудят веселые компании. Южная вечная мудрая тишина.

Я хочу прикоснуться к прекрасному.

Там, в далекой Греции мы, решив не ехать в Прасониси на другой край острова, свернули в глубь его и, увидев вывески «Wine Road», очень воодушевились. Мы гнали по серпантину и оказались в горной деревушке. Там мы остановились пообедать. Мы были совсем одни здесь. Лесистые пики виднелись вдали, они кружили в недвижимом танце вокруг нашей уютной горной деревушки, приглашая окунуть-

ся в вечность. Мимо прошла местная старушка, один в один как наша, только очень загорелая. Я наблюдал за играющим с горным ветром флюгером на соседнем домике. Ласточки, расположившие свое гнездо под навесом таверны, летали туда-обратно. Мне кажется, я слышал, как поток воздуха подхватывает их маленькое тельце, и как они шуршат своими лапками, когда запрыгивают в гнездо.

Вообще, мы держали путь в крепость Критиния, что была на другом берегу острова. Мой друг сказал, что мы обязаны там побывать – это наше место. Я усмехнулся и согласился. Так же мы были обязаны побывать на нудистском пляже. Когда я строил маршрут, точки на карте там не поставил. Но мой друг, сказал, что мы должны. Я не стал противиться, мы приехали, поглазели, пооколачивались и, улыбаясь, укатили. Это было с утра в начале нашего путешествия.

Уже вечерело. Более и менее ровная дорога сменялась серпантином и наоборот. Внезапно сквозь деревья справа я увидел неземную картину. Был залив, к нему спускалась гора, на которой мы находились. И вдалеке в вечернем сверкающем море парили три острова, как будто плыли в небе. Я решил, что это лучшее, что я видел в жизни. Жаль, что деревья закрывают. Я почему-то подумал о Рите, достал свой инстакс и решил запечатлеть этот пейзаж, как будто хотел потом его ей показать. Хотя я знал, что фото будет засвечено, что острова не прорисуются, но я был бы не я, если не попытался сфотографировать этот разрывающий меня изнут-

ри вид. Щелкнув, я сразу положил фото в карман – потом посмотрю. Но не утерпел. Вот рамочкой появились деревья, вот спускающаяся гора. Подошел друг. Сказал, что за хуйня – это пятно, а не фото. А я сказал, что Рите понравится! Мы проехали километр и увидели уходящую в строну за пригорок щебенку. Бросив машину, я буквально побежал по ней. За пригорком этот неземной пейзаж лежал как на ладони.

Я молчал. Из всех миллионов слов и тем мне почему-то захотелось рассказать ей историю про Грецию и засвеченную фотографию самого прекрасного места на Земле.

– Тее правлос как яяя тнцевала?

– Что?

– Тее понравлос как яяя тнцевала?

– А, да, ты молодец! Тебе очень нравится Модерн Толкин?

– Д-да!

Я назвал её Изабеллой. Настоящего имени её я не знал, впрочем, и то, как она попала в Психоневрологический Интернат под Зеленогорском. Там было много особенных людей всех возрастов, говорят, даже сошедшие с ума доктора наук. Изабелла была одета во все серое, с темными волосами с челкой, которые были с проседью и оттого тоже как будто серые. Круглое невыразительное лицо мимикрировало под стены ПНИ. Она была довольно высокой, природа старалась исправить как будто какую-то ошибку, как могла вытягивала ее тело, чтобы Изабелла смогла взглянуть на мир за забором,

потому что воля ее, казалось, онемела и не предпринимала никаких усилий подставить камень или вытянуть шею в надежде пощупать свободный воздух соснового леса. На вид ей было лет тридцать, хотя здесь сложно определить, сколько лет человеку.

Когда заиграла музыка, стали подтягиваться пациенты. Все они были разные, кто-то был на коляске, кто-то даже не мог крутить колеса, и их катили другие пациенты, хромая и еле двигаясь. С самого начала на импровизированном танцполе из асфальта с побеленными бордюрами была Изабелла и тучная лысая девушка-женщина с огромным лбом и маленькими глубоко посаженными глазками, одетая в белое легкое летнее платье. Она радовалась каждому звуку и раскачивалась, и прыгала, насколько могла. На высоком крыльце в стороне были колясочники, которые, видимо, были застенчивые и не хотели участвовать в празднике и «танцевать». Среди них стоял абсолютно нормальный молодой парень с модной прической, серьгой в ухе и татуировками. Он опирался на костыли и наблюдал, изредка неловко улыбаясь, как будто хотел скрыть эту искренность, но не получалось. Я подумал, Боже, ну они все прямо как мы, все разные, каждый со своим характером, со своими привычками и вкусами, но мир их не принял. Появилась певица, худенькая приятная девушка в синеньком платье. Ветер то и дело пытался его приподнять. Она уже здесь выступала и была местной звездой. К ней стали подходить пациенты и просить автограф на

листовке или просто клочке бумажки. Вдруг из крыльца вышла девушка-пациентка и, хромая, направилась к певице. В руках у неё было большое полотно. На нем красовалось лицо, лицо певицы с огромными голубыми глазами и золотой копной волос.

Я здесь диджей. Меня попросил помочь мой друг, когда мы прилетели в Питер, и я нехотя согласился. Я запустил первый трек – минус «За четыре моря» для певицы. Когда мой друг попросил меня отвести этот праздник и дал мне треки, я, конечно, высокомерно выпалил: «блин, ну это говно откровенное, мне обидно, что у нас нет абсолютно вкуса, что по радио крутят одно дешевое дерьмо и что, самое обидное, мы это с благодарностью потребляем, причмокивая». Я не был диджеем, просто иногда помогал другу. Итак, вечеринка началась, народ всё наполнял танцпол, из всех отделений и корпусов змейкой на шум поплелись пациенты. Певица вступила.

Помнишь, ты мне сказку обещал?
И цветы, и на руках носить.
Долго ты, я помню, как сейчас,
Звал меня с собой, ехать так просил.
За четыре моря,
За четыре солнца
Ты меня увёз бы,
Обещал мне всё на свете.

Говорил, что я твоя
Королева звёзд я.

Припев пел каждый, как мог, открывая беззубые рты невпопад. Девушка-женщина на коляске одной рукой, так как другой не могла, крутилась на месте, склонив голову и устремив взгляд вверх, то в одну сторону, то в другую – она так танцевала, отдаваясь этому полностью. Изабелла же не танцевала и время от времени подходила ко мне, прося поставить Модерн Толкин. Я её не сразу понимал поначалу, но потом уже машинально отвечал: «да, конечно, скоро поставлю – не волнуйся!». Она радостно отходила в сторону и снова вставала столбом, ожидая. Через некоторое время подходила опять и спрашивала про Модерн Толкин. Заиграла следующая песня. Как только пошел припев, все как будто взбесились. «Я тебя нарисовал, я тебя нарисовал…» Девушка-женщина на коляске стала перемещаться по «танцполу» из одной части в другую и обратно, блин, она выжимала всё из этой коляски и своих возможностей, круча колесо одной рукой и криво подпевая. Казалось, она была абсолютно счастлива.

Девушка мечты,
В этот вечер не со мной осталась ты,
Я тебя нарисовал, я тебя нарисовал,
Только так и не познал твоей любви.

Мне чудилось, что каждый из них ощущал себя абсолютно нормальным, да они, возможно, большинство из них понимали, что они не такие как все, но у человека есть такое свойство: даже когда их жизнь такая, когда они заперты в стенах ПНИ за забором, подпирающим сосновый лес, они все равно как будто верят, что они особенные не в нашем понимании, а особенно красивые, особенно нормальные, каждый из них – король танцпола и танцует лучше всех, и поет не хуже Алены Апиной, у каждого обязательно будет прекрасная любовь и незабываемые путешествия. И дело не в их разуме или его отсутствии, а в человеческой природе. Каждому хочется быть особенным и самым лучшим, и всё, конечно, впереди. Всё впереди.

Заиграли «Желтые тюльпаны». Танцпол гудел. Молодой парень на крыльце уже не скрывал своей улыбки, я тоже улыбался. Только Изабелла была не весела. После этой песни я сказал певице, что поставлю Модерн Толкин, а она пусть отдохнет. С первых звуков Изабелла поплыла на середину асфальтового танцпола. Её движения были утонченны и грациозны, она была прекрасна. Вступил бит, и Изабелла с легкостью танцевала без лишних движений ровно в такт, я бы даже сказал, что со вкусом и умением. Её танец напоминал шепот, легкий морской бриз. Она парила как те греческие острова в небе, она шептала мне на ушко, в такт перебирая своими ножками на асфальте у побеленного бордюра ПНИ,

шептала, что тоже видела тот прекрасный пейзаж в вечерней средиземноморской дымке.

Следующей я поставил «Выпьем за любовь». Народ выплясывал пуще прежнего, Изабелла отошла в сторону. У меня был комок в горле, «сердце тяжелыми болезненными толчками било в самое горло». Я хотел разорвать любого, кто скажет, что Алена Апина и Блестящие – сраное говно. Они были лучше всей дискографии Pink Floyd вместе взятой. Пусть эти пидоры дают свои концерты для яхт, пусть Рияны и прочие Эминемы получают свои сраные Грэмми. Они – ничто.

После мероприятия я прокатил на машине Изабеллу по территории интерната, так как ко мне подошла медсестра и сказала, что Изабелла очень любит автомобили. Я сделал пару кругов, и с ветерком скатившись с пандуса, я высадил Изабеллу у ворот и, визжа колесами, унесся прочь по Приморскому шоссе.

20 Последний корпоратив

У нас в компании намечался летний корпоратив по случаю десятилетия. Я, конечно, не хотел идти, но начальница меня попросила, и я сказал, что пойду. Почему-то директор решил не поехать на природу, как это случается летом, а снять банкетный зал. Мне это было даже больше на руку, так как я мог смело пойти в рубашке с длинным рукавом и не светить татуировки на руках, когда как на природе наверняка были бы всякие игрища на свежем воздухе и прочие купания. Я работаю здесь уже седьмой год, и никто до сих пор не знает, что мои руки покрыты этим срамом, и, когда время от времени в офисе начинают обсуждать «молодежь», я, улыбаясь, поддакиваю типа «ну да, как же это будет выглядеть в старости, и что на зоне так принято» – меня это веселит.

После рабочего дня к выходу подогнали автобусы. Я загрузился и сел один – так всегда, за все эти годы у меня не появилось ни одного друга на работе. Остальные из моего офиса поехали на авто. Нас довезли до Гатчинской улицы, где был банкетный зал. На входе у лестницы была очередь к гардеробной. Потом мы оказывались в фотозоне, а далее, если пройти один пролет лестницы, были столы с шампанским и закусками. Я быстро, чтобы ни дай Бог меня никто не поймал, направился к столам. Там скучились в основном монтажники и айтишники в своих рубашках и футболках,

заправленных в затертые джинсы, наплывающие на некогда белые кроссовки. Пробравшись, наконец, и взяв бокальчик, я отошел в сторону и стал наблюдать. Сотрудницы в платьях и других облегающих одеяниях – это хорошо, главное, чтобы меня никто не трогал. Потом впустили в зал, там по бокам так же стояли столы с закусками. В центре же большого зала были праздничные столы уже для каждого конкретного отдела компании. У закусок опять столпился народ так, что не пробраться. И фотозона. Ну, блин, ну что за говно, когда уже сядем? Я не знал, куда себя деть и стоял, как неприкаянный дурак. Недолго думая, я пошел к столу бухгалтеров, откупорил вискарь, ливанул в стакан яблочного сока, уселся и стал смотреть на прыгающих от фотозоны до закусок и обратно сотрудников. Мне кажется, на меня стали коситься – какой дерзкий парень. Ну что я могу поделать, ну как тут можно иначе? Зазвенел микрофон, тамада поприветствовал и разрешил садиться на место – СПАСИБО ЕБ ВАШУ МАТЬ! Начался балаган. Вообще, у меня были надежды, что и в этот раз повезет, что тамада снова окажется современных понятий, что не будет хуйни с «вызыванием к доске», тыкая палочкой, а просто будет развлекать, и я спокойно досижу до конца, выпью, поем и с началом всеобщих танцев свалю. Так было в новый год. Первый акт шуток-прибауток закончился, разрешили выпить, поесть – спасибо. Потом позвали директора. Он толкнул речь, как всё хорошо, как мы купили еще одну компанию, и что продажи в целом растут, хоть ры-

нок и переживает не лучшие времена. Опять разрешили выпить – спасибо. Я налег на вискарь с соком и понял, что надо немного притормозить и налил водички. Тамада заорал в микрофон, новая порция веселых прибауток – запахло конкурсами. Эх, не повезло в этот раз. «Тыкая указкой», тамада стал поднимать случайных людей, каждый из которых в силу своей оригинальности и остроумия что-то ляпал. У меня не было ни оригинальности, ни остроумия. В очередном залихвацком пассаже тамада весело спрашивает у народа, кого бы еще вызвать к доске. И тут как ударом молнии кричит ОНА. Кричит она, та, кому посвящены все мои мысли, та, с чьим именем я просыпаюсь каждый день поутру. Ира показывает на меня. Я не верю, я уставился прямо на неё. Какая же ты глупая, ты совсем, ну ни на грамм меня не знаешь, что ли?!? Не поняла меня ни капли за все эти семь лет?! Зачем ты это делаешь?! Я залпом допиваю вискарь, который ранее отложил, встаю и ухожу. Так прошел мой последний корпоратив, и продержался я минут тридцать.

Я был опустошен, я был предан, я был настолько не понят, что даже как будто получал удовольствие от этого. Хуярьте меня тупые никчемные пидарасы, бейте плетьми, мне уже похуй. Я не верил, что она это сделала, она, самая чуткая и добрая. Она показала, насколько я для неё не существую, она выстрелила мне прямо в сердце! Я шел, я успел даже набраться за эти тридцать минут. Поставил Echo & Bunnymen

– Lips Like Sugar и включил повторение. Я шел и вспоминал, как под новый год был снег огромными хлопьями, я слушал эту песню по кругу и думал о ней, как на новогоднем корпоративе я увидел её в облегающем черном платье, с черными кудрями, спускающимися на оголенные белые плечи, как я поразился, как мое сердце как будто бы проткнула стрела (или как там говорят в охуенных книжках), и я посмотрел на неё с другой стороны и уже как по щелчку ничего не мог поделать – это произошло. «Я космонавт, и ты тоже» – почему-то крутилось у меня на языке всю дорогу домой тогда. Я шёл, слушал Lips Like Sugar, кружились огромные хлопья тополиного пуха. И она даже не позвонила, она даже ничего не поняла.

Когда я уволился (или меня уволили), Ира так же ничего не сказала. Я вымолвил, что, может, еще увидимся, а, может, нет – скорее всего, нет. Сказал это всем и ушел, она по-доброму усмехнулась.

У меня была мечта, укатиться после последнего своего рабочего дня на своем бирюзовом скейте в офисных лакированных туфлях с каблучком, в которых ходил на работу. Мне казалось это очень забавным. Я так и сделал, а у дома выкинул их в мусорку.

Итак, я качусь на скейте по Кирочной, рассекаю в шортах и лакированных туфлях. В общем, это то, чего я так долго ждал. Я улыбаюсь как дурак. Дурак и есть! Звоню другу.

– Чувак, подари мне путевку в Лаос! Не пожалеешь, я упомяну тебя в моей книге! Я назову тебя Санчо!

– Ты охренел? Я занят, чувак, потом перезвоню.

– А я не занят, совсем не занят! Бывай, Санчо!

Выходные прошли как обычно. А вот в понедельник с утра я проснулся в поту и в смуте. Моя офисная душа не могла понять, что происходит, как так получилось, как я смог вообще себе такое позволить – оказаться без работы, почти без сбережений, почти без будущего?! А до этого у меня было будущее – спрашивал я сам себя в терзающем диалоге. Какая собственно разница, что там дальше? Такие дела. В ночь же с понедельника на вторник я вскочил от удушья. Во мне что-то было, мне надо было это выплюнуть, изрыгнуть, но не получалось. Я был даже не в клетке, я сам стал клеткой. И следующей ночью случилось то же самое. Я не мог нормально спать, засыпая, я знал, что проснусь опять от этого удушья. Я перестал принимать пищу, чтобы во мне не было ничего, ни грамма не меня, как мне казалось, я бы выплюнул желудок, и кишки, и печенку, выдавил бы всю кровь и лимфу из себя, если бы мог, чтобы стать всецело натурально никем и ничем, как я себя и ощущал.

Так прошло несколько недель, недель забытия и непонимания, ночных агоний и рассветов в больной туманной дреме.

В какой-то день я проснулся и почувствовал себя как буд-

то легче. Я встал осмотрелся, оглянулся, посмотрел по сторонам, в окно. Там мир. Мне он показался не таким уж и враждебным. Светило солнце, пели птички, дети бегали по огромной территории детского сада и орали. Лаяли собаки. Жизнь. Я загрузился, вспомнил себя, себя в прошлом, попытался уловить те мои мысли и переживания, планы и надежды. Я осторожно позавтракал. Полез в интернет. Выскочила реклама шмоток. Почему-то мне захотелось заказать себе косуху – мне определенно стало лучше. Это было мое давнее желание, но как-то не сраталось. И я подумал, ну раз я такой бунтарь и одиночка, почему бы не купить косуху на последние деньги?

Путевку в Лаос мне так никто и не подарил, и, натянув новую кожанку, я пошел устраиваться в контору. Когда я работал в офисе бухгалтером, мне хотелось оказаться на самом дне, чтобы начать всё заново, например, грузчиком в «Народный» брататься с хачами, или пойти на помойку сортировать мусор. Мне казалось, что там я стану самим собой, там я приму этот мир, и, самое главное, мир примет меня. Но, пораскинув мозгами, на деле же я поставил для себя цель: хотя бы чтобы не было кип документов. Никаких бумажек – в жопу их!! В первый же рабочий день они (бумажки) мне жестко отомстили, я забыл все свои акты в Макдаке на гребаной Ладожской, а акты были подтверждением выполненной работы. «Ах вы, пидорские создания, сраные бумажки, чтоб вас черти драли!» Я рвал и метал, не мог дозвониться до ресторана

и до старшего смены, и в порыве ярости проломил домашний стол кулаком. Конечно же, ничего я не проломил, кроме своего пальца, содрав кожу с мясом до кости и распустив реки крови – а стол как стоял, так и стоял, ухмыляясь. Я устроился на подработку инженером в контору, обслуживающую компьютерно-кассовые системы. Ничего сложного я не делал, а больше занимался черной работой, которая заключалась в монтаже планшетов для доставки на кассах ресторанов, или монтаже и настройке сканеров в киоски, где вы, Уважаемые, тыкая пальчиками, заказываете себе Биг Мак, картошку и колу. Не сказал бы, что мне совсем не нравилось, это была довольно тупая, но в чем-то медитативная работа. Еще я понял, что зачастую самое сложное – это не высшая математика, не точная настройка оборудования, самое сложное – это открутить ебаную гайку «на 5» с зафиксированного проржавелого винта длинной два сантиметра с кривой резьбой, порой у меня это занимало минут по десять. Но в общем, как подработка – самое то, а о другом я даже и не думал. Я ничего не хотел, планов у меня не было, разве что купленные уже давно билеты во Владивосток. Невзначай я вдруг решил, что следующим моим жизненным этапом будет накопленная сумма на очки авиаторы. Я мониторил интернет и ждал распродажи и дополнительных скидок, чтобы сразу, как капнет деньга на счет, бросить в корзину новые авиаторы и нажать «оплатить». Мне нравилась моя такая безалаберность, как назвал бы это мой отец.

Прошло пару недель, я как будто варился в собственном соку, ни с кем не общался совсем, разве что со старшими смены ресторанов, некоторые из которых были ничего. На Выборгском шоссе зашел человек с моей прошлой конторы и увидел меня. Я уминал Панини Тоскану с кофе, поставив все сканеры в киоски и подписав акты о выполненной работе. Он подошел и спросил – «чё, как оно?» Я сказал, что все отлично, стал успешным уважаемым человеком, в доказательство сунул ему в лицо Панини – разве мог бы я себе это позволить иначе? Мы улыбнулись и попрощались. Сегодня же на Панини у меня денег не было, и я вспоминал тот благословенный денек.

Наконец, мы встретились с другом. Сидели в авто, лил дождь. Мы пытались обсудить свой бизнес – бизнес по надуванию шариков. Друг как-то на какой-то праздник этим занимался и сказал, что это легко и прибыльно, надо только купить баллон с газом. Мы ржали и придумывали название. Я предложил «По шарам», или лучше «Вам по шарам». Я был в восторге от своей находчивости и приступил разрабатывать лого компании на запотевшем лобовом стекле. На следующее утро друг прислал мне сообщение, в котором была ссылка на контору с таким названием. «Эх, кто-то уже подсуетился, а счастье было так близко…» Я собрался и поехал на работу с огромными тяжелыми сумками из Окея в

руках, которые били по ногам, монтировать кронштейны и сканеры.

Тем временем лето безжалостно заканчивалось. Я отдыхал от тяжелого рабочего дня. Небо было необычно голубое и достаточно яркое с небольшими пушистыми облаками, когда как дома окутывала ночная темная пелена. Горели несколько окошек теплым желтоватым светом – почти Империя Света Магритта во дворах ночной Петроградки. Было тепло и тихо. Это непередаваемое ощущение – гулять белыми ночами в Питере, это как религиозное действо, как магический ритуал со своими мифами, с божествами лавочек в многочисленных густых парках и разведенных мостов над черной ночной Невой. Внезапно в узкие коридоры сквера ворвался ветер, деревья встрепенулись и зашелестели листвой, мертвая тишина была нарушена, я подлил еще немного вина в пластиковый стакан. Другие параллельные миры были совсем рядом, впрочем, они всегда недалеко здесь, но не все обряды были еще пройдены, чтобы полностью войти в шаманский транс и двинуть в следующий сквер по опустевшим улочкам города. Любимого и дорогого города, с которым очень сложные отношения, но летние месяцы, а особенно ночное их время – это время позабыть все обиды.

– А я не могу перестать думать о ней, сегодня опять ездил к её дому на крышу.

– Пройдет. Смоет осенними дождями…

Я добрался до лавочек Лопухинского сада. Было начало четвертого. Метро открывалось не скоро, но и я никуда не спешил. Проплывал кораблик, оттуда доносились веселые пьяные крики и музыка – «Тыыы не веерь слезаааам». Я подумал, какая же душевная раньше была попса. Или это просто ушедшая молодость. На берегу сидела парочка в обнимку. Я смотрел вдаль сквозь их силуэт.

21 …Голова Великана упала, и родился наш остров

Я перебрался к матери на Энтузиастов. Сидел дома, смотрел в потолок или в телевизор с Улицами разбитых фонарей. Или ржал как конь над выпусками ЧБД. Ливни были целыми днями. Когда находиться дома было уже невмоготу, я натянул капюшон и вышел в дождь. Но ноги повели меня не по обычному маршруту по Коммуне – границе леса и окраинных сереющих подтеками домов, а прямиком в лес. Как я уже сказал, ноги вели меня без собственно моего участия, эти места я знал наизусть, так как проводил здесь слишком много времени в детстве. Мне показалось все удивительно однообразным, просто однотонная лесопарковая зона с пятнами мусорных свалок. Раньше на этой аллее стояли частные деревянные дома, и бегали стаи собак. Сейчас дома сожгли, но собак не расстреляли. Идти было опасно. Пахнет утопающими травами и деревьями, тропинки превратились в грязевую смесь и передвигаться приходится по кромке. Дождь уничтожает. Думаю, вы не станете спорить, что лес – волшебное место. Помнится, когда заходил в его чащи, глубоко вдыхал густые ароматы древесно-земляного бульона, и в тебе просыпался зверь. Все дикое, потаенное, скрываемое, возбуждающее стремилось сразу вырваться из тебя, ты шел по тропе, источая животный пар, восходящий в небеса сквозь

кривые еловые ветви, и оглядывался, чтобы другие звери его не почуяли. Да, все возбуждало, и ты словно маньяк искал жертву, и не важно, что тебе двенадцать лет, что намедни, чтоб убить время ты сжег с другом баян его умершего деда, а когда тащил его в лес, увидев двух загорающих совсем без одежды девушек, расположившихся у болотца, стоял в изумлении, как через 10 лет стоял перед картиной Бакста Terror Antiquus в Русском музее.

Навстречу по кромке дороги шла она. Она была тропическая в этих северных лесах. Мила, стройна и достаточно красива, красота её скрывалась в тех лесных густых чащах, куда пробивались лишь редкие солнечные лучи, нежно касаясь буйной нетронутой зелени и фактурной сильной коры мощных точеных деревьев. В ней была какая-то неведомая мне раньше сила, которая странным образом действовала на меня, она меня загипнотизировала, и я как будто не мог пошевелиться, как кролик при удаве. Я точно превратился в густое желе. Звали ее Кристина. Потом через несколько дней в вагоне метро я тайком поглядывал на нее, мы молчали. Ее темное каре с яркой сиреневой прядью напоминало мне дикий негритянский джаз, вырвавшийся во влажную ночь из внезапно распахнувшейся двери душного клуба. Неоновая вывеска маняще отражалась в пятнистом лужами асфальте. Приехали. Когда мы поднялись наверх, я понял, что могу встретить одного человека, старого знакомого-алкоголика,

которого не хотел бы видеть.

– Пошли в другую сторону.

– Зачем? Там нечего делать – весело ответила Кристина.

– Неважно, просто пошли – довольно резко сказал я.

– Ну, зачем? Объясни! – Кристина негодовала.

– Блин, хватит!!

Я мгновенно завелся, и эта гребанная толчея офисников, толпившихся на паперти метро после работы. Нахрен всю эту картину. Просто в жопу!! Желе внутри меня вибрировало и пускало круги ненависти волнами. Почему ей просто не послушаться и не пойти, куда я прошу? Двинув в сторону Домика Петра Первого, я немного стал успокаиваться. Тут никого нет. Тут тихо. Когда я напишу книгу или выпущу свой успешный реп-альбом, я обязательно куплю квартиру в этом доме с видом на летний сад через Неву – думалось мне. Домик Петра Первого представился мне прокуренным джазовым клубом, из которого доносился стремительный боп, толпились томные музыканты в черных костюмах и разношерстная от бродяг до клерков публика с выпивкой, а над входом трещала, мигая, неоновая вывеска Pyotrland.

– Извини меня… – сказал я, вспомнив, что не один.

– Проехали. Что вообще с тобой? – теплым тихим голосом поинтересовалась Кристина, смотря как будто в никуда, но я чувствовал, что она пилит меня глазами.

– Не знаю. Ненавижу, когда много народу. Я всегда ухожу подальше от всех, там мне спокойнее, где нет людей.

– Да. Но там, где нет людей, возможно, будут бродячие собаки – смешливо парировала она, перепрыгнув лужу на пути.

Я задумался. И сказал, что в принципе, я нормальный и не мизантроп (звучало это, наверное, не очень).

Она мне нравилась. У нее на все был свой ответ, но такой, который не отторгал меня и не хотелось послать умника нахер, ну знаете, как это бывает, такой, который будто бы менял меня. Мне казалось, что в лучшую сторону. Она была сильная, и рядом с ней я внезапно услышал пение чудесных ангелов, которые уверяли меня, что я буду, что я – не эфир, я не исчезну с последним ускользающим солнечным лучем этого печального дня. Еще у нее были очень красивые ноги. Я решил, что надо срочно ее завоевывать, и начал казаться начитанным.

– Смотри, это курдонёр, короче, это такой двор, который…

– Надо выпить – перебила она меня.

– Еще рано – обескураженно ответил я – не прокатило с архитектурой.

– Пошли-пошли! Найдем магазин.

– Я знаю, где магазин. Я здесь всё знаю, кажется… География тоже сойдет.

Мы дошли до Герцена, магазин был на ремонте.

Я решил, может, это знак. Пить не хотелось. Мы свернули на Певческий переулок. Там в тени деревьев на оградке си-

дели аборигены, слегка копченые от нелегкой жизни в центре. Она вдруг подходит к ним и спрашивает:

– Вы не знаете, где здесь магазин?

– А что вам надо?

– Выпить купить.

– Тут за углом есть – ответили они.

Ангелы опять запели своими сахарными голосами. Мелькнула мысль, что она очень живая и яркая, прямо сияет, как звезда или красивая планета несется по черным просторам космоса Петроградки в поисках выпить, а я – её верный спутник. Мы зашли в магазин. Там было негусто. Она схватила бутылку красного. Я полез за телефоном, чтобы загрузить Вивино, но забил и, положив телефон обратно, прошевелил губами:

– Хрен с ним, пошли на кассу.

Что оно не особо охлажденное, я говорить постеснялся.

Мы вышли.

– Открывай! – смеясь, прокричала она.

– Что, прямо здесь?! – наши взгляды пересеклись, и я не смог оторваться от ее глаз на несколько секунд.

– Да, давай – ответила Кристина, покосившись в сторону. Но она не смущалась. Ее уверенная походка стремилась к следующей луже, чтобы перепрыгнуть.

Вино, кстати, было норм. Мы дошли до Карповки и расположились там у воды. Я заточил хачапури, глотнул, не стесняясь, вина, бутылка отражала долгожданное солнце, и по-

думал:

– Бля, заебись! Лето.

– За мутный взгляд!

– За мутный взгляд!

Мы сидели сначала молча, но никто из нас не считал эту тишину неловкой. Потом незаметно разговор полился ручейком. Я смотрел на её длинные и загорелые ноги. Проходили люди, собаки, проезжали машины, мы пили, я улыбался, она улыбалась, я говорил, она говорила, я ощущал себя частью всего этого, частью Петроградки, частью этого летнего вечера, частью этого огромного мира. Мне было очень тепло внутри. «Вот ведь чудесный мир» – пел я вместе с ангелами – удивительно! Я подумал, что это очень удивительно, и я – часть всего этого!!! Всё в моих руках, всё в наших руках! Вино наполняло мое бескровное тело и заставляло сердце наконец биться, но не так, чтобы я не упал, не так, чтобы хватило сил уцепиться за ветку сирени у твоего подъезда, падая со сточными водами в бесконечную бездну канализации – нет! Сердце наконец билось так, чтобы я мог лететь вместе с птицами и видеть этот прекрасный мир с захватывающей дух высоты! За размышлениями я ничего не помню, не помню, о чем мы беседовали дальше. Я представлял, что мы держимся за руки.

– Смотри, чайка плывет. Похоже у неё что-то с крылом – вдруг произносит Кристина. Я прихожу в себя.

– Да, оно перебито, как будто висит.

Мне кажется, я заметил её еще раньше, но не придал значения.

– Надо её поймать! – заявила она.

– Зачем? Куда ты её денешь?

– Не важно, отнесем в ветеринарку.

Мы стали звать и приманивать птицу. Сначала она как будто недвижимо лапками под водой стала приближаться к нам, но в итоге сохранила дистанцию.

– Это нереально. Её не поймать, она не приблизится – сказал я.

Последовала пуза и раздумья. Потом Кристина произносит:

– Нужен батон.

Я нахмурился.

– Хм, странно всё это. Давай в магазин, он напротив входа в Ботанический. А вообще, неплохо бы большой сачок – пришла мне мысль.

Я резко встал и пошатнулся, так как похоже выпил немало. Мы шли быстро, иногда переходя на бег. Она была впереди, а я был спутником. Я смотрел на ее ноги. Купив батон, мы поскакали обратно. Чайка уплыла не далеко. Мы стали кидать куски батона, но она не реагировала.

– Я могу сплавать за ней! – внезапно сказала Кристина.

– ЭЭЭ, ты что, серьезно?!

– А почему нет? – как ни в чем ни бывало говорит она.

Я напрягся, ведь я не знал, на что она способна, куда может завести её решительность, и, вообще, в уме ли она. Кристина нагнулась, чтобы потрогать воду. Я увидел её белые трусики из-под короткой юбки – забраться бы туда сейчас – подумал я, а не вот это вот всё.

– Побежали за сачком – сказал я. Плыть не вариант.

– Где мы его возьмем?

Кристина тянулась к воде, рассчитывая свои дальнейшие действия. Но я уже шел прочь, в надежде, что она отойдет от берега подальше и побежит за мной.

– Где мы его возьмем? – криком повторила она мне в след? Чайку же смоет, пока мы будем искать!

– Пошли, найдем хозяйственный!! – тщетно пытался я отвлечь ее от воды.

– Какой хозяйственный, здесь нет ничего! – прокричала она, посмотрев на меня. Странная решительная улыбка была на ее смуглом лице.

Я метнулся к ней, но остановился на полпути и ринулся обратно:

– Побежали скорее, найдем, мне кажется! – уже отчаялся я, и метался то в сторону Кристины, то от нее.

– Да нет же! – закричала она и опять потрогала воду рукой.

Я понял, что мое дело – труба.

Таак, что же делать, чтобы она и в правду не нырнула. Я

достал телефон и набрал друга.

– Чувак, бля, срочно запрыгивай в машину и двигай к Ботаническому саду, но по пути купи большой сачок!! – я понял, что мой голос заплетался, я был пьян.

– Что, блять?! Какой нахрен сачок?

– Чувак, ныряй в машину и вези сачок к Ботаническому саду, иначе она прыгнет в воду за чайкой!! Бля, пожалуйста!! Ныряй и вези и прыгай! Бля.. Едь, короче, пожалуйста…

– Да ты бухой! – сказал мне телефон.

– Да, я немного бухой, но не в этом дело!

Я, как смог, объяснил другу всю ситуацию. Он сказал, что приедет.

– Не прыгай! Он приедет – прокричал я! С сачком!

Мы стали ждать и идти вдоль канала за чайкой. Вдруг чайка поплыла нам навстречу. Моя новая знакомая нагнулась к воде и взяла ее в руки, просто без усилий.

–Она не хочет умирать… Она хочет жить – подумал я.

–Она не хочет умирать… Она хочет жить – еле слышно сказала Кристина.

Я достал телефон и, набрав друга, сообщил ему, что сачок не нужен.

– Хорошо, я уже близко – ответил друг.

Мы стали ездить по ветеринарным клиникам, но все говорили, что не занимаются птицами. Да и вообще, это же чай-

ка, как городская крыса… Последней надеждой стала ветеринарка при зоопарке. Но девушка там сказала, что крыло надо ампутировать, а это, по сути, верная смерть для птицы: её либо сожрут собаки, либо она сама умрет от голода. Понятно, что надо усыплять. Я взял чайку в руки, чтобы моя новая знакомая отдохнула и сходила в туалет. Я впервые в жизни держал такую огромную птицу в руках, её тельце отдавало мне свое тепло, лапки покорно висели между моими пальцами. Казалось, она была полна жизни, её глаза смотрели прямо на меня.

– Привет, я тоже часть этого мира. Как и ты – говорили глаза чайки.

– Но я уже не уверен в этом.

Whenever I'm alone with you
You make me feel like I am young again
Whenever I'm alone with you
You make me feel like I am fun again
However far away
I will always love you
However long I stay
I will always love you
Whatever words I say
I will always love you
I will always love you

Мы зашли в кафе и попросили у них коробку для чайки и сели в авто. Стали искать номера телефонов мест, где могли бы принять птицу. Ни один звонок не принес результата.

– Давайте завтра продолжим искать, наверное, придется усыпить, – сказала Кристина.

– Её нельзя усыплять, не нам это решать – неожиданно сказал друг. Нужно сделать операцию, отрезать крыло, чтобы она жила дальше.

– Так, а потом что? До первой собаки?

– У меня есть знакомая, у неё у бабушки дача, она её приютит – произносит друг, взглянув на огромную птицу в коробке.

– А зимой? Плюс ей нужен водоём.

– А зимой будет зима. Не нам решать – уверенным спокойным голосом произносит друг.

– А кто должен решать?

Друг выдержал паузу. Мы уставились на него, он же продолжал глядеть на огромную птицу в коробке.

– Господь Бог, он дал ей жизнь…

– Эээ.

Я немного удивился таким словам друга и сказал:

– Давайте завтра обсудим, сегодня мы уже ничего не соображаем.

Мы разъехались по домам, друг взял чайку себе на ночь. Все проблемы – завтра.

Я лег с мыслями о моей новой знакомой. Какая же она живая, как с ней интересно, она не похожа на меня, я какой-то угрюмый, а она… Но в этом смысл, мы уравновешивали друг друга. Раньше я боялся таких и искал тихонь, искал их по глазам – по взгляду все видно. Но она не такая. Её взгляд острый и стремительный. Её красота вырывается из лесных чащ яркими солнечными лучами, вырывается на цветочную поляну, освещая все прекрасные бутоны, освещая всё на своем пути, освещая мое улыбающееся лицо этой ночью.

Наутро мы втроем стали думать, что делать. Я позвонил в пару мест, другие – тоже. Созвонившись с Кристиной, мы окончательно решили, что нужно усыплять –, так говорят все, как не печально, это единственное гуманное решение, раз уж мы во все это ввязались.

Звонок от Кристины через некоторое время.

– Он не отдает чайку. Говорит, что будем делать операцию. А потом он отвезет её к этой бабке.

– Серьезно? Хм…

Я задумался, я знал своего друга. Хорошо знал.

– Что ты молчишь? – негодовала Кристина.

– Ну, если он говорит, что не отдаст, то ты его не переубедишь, хоть ментовку вызывай.

Я, конечно, вчера насторожился от слов друга, но не думал, что это настолько серьезно.

– Что?! И это твой друг? Он же невменяемый. Он говорит,

что не нам решать! Что нельзя её убивать – это грех, что я бы сама не хотела бы умирать, и еще пару месяцев жизни – это подарок – вещал надрывный голос Кристины из телефона.

– Так и сказал?

– Да!

– Ты говорила, что все советуют усыплять, что без крыла птице в городе не жизнь.

– Да! Он говорит, что никто не знает, что может, она приноровится.

– Что? Приноровится?! – удивился я.

– Да! Приноровится жить без крыла. Он повторяет, что он бы выбрал еще два месяца жизни, чем усыпление.

– Интересная история. Он бы выбрал… Ну, к сожалению, зная его, ты его не переубедишь. Считай, он захватил птицу – сам удивляясь своим словам произнес я.

– Что?! Захватил птицу?! Что за бред?

– Вот так.

– Так, а что, ты не можешь ему что-то сказать, что-то сделать?

– Нет. Я говорю, хоть ментовку вызывай. Я его знаю. Он упрямый.

Мне стало грустно. Не за птицу, честно, хоть я и люблю животных, но понимаю, что это жизнь. Жизнь – дерьмо. Чайке не повезло и так, и так. Принимают решения недалекие, у них нет оснований сомневаться.

Из-за таких средневековых умов все мы в такой жопе – промелькнула словно юношеская, и от этого еще более горькая мысль. Жаль, что мы уже как бы не при чем, и дискуссий быть не может. Наши аргументы и голоса будут биться о стенку непоколебимой тупости и глухоты. Я вспомнил, как мы с другом ходили в церковь. Он долго стоял у иконы, пахло божественным ладаном, все во мне трепетало от таинственной красоты, дымчатой от тысяч, вселяющих надежду и умиротворение свечей. Приноровится, блядь. Птица. Без крыла. Приноровись жить без башки, уверен, у тебя получится.

– Ничего не сделаешь, извини. Поехали в Сестрорецк? Сегодня погода хорошая – после неловкой паузы сказал я Кристине.

– Какой в жопу Сестрорецк? Что мы будем делать с чайкой? – ответила она. Ее голос периодически срывался в крик.

– Ничего не сделаешь, пусть он делает операцию и везет к бабке, раз он забрал её себе.

Кристина замолчала. Я слышал ее прерывистое дыхание.

– Скажи его адрес! – четко по слогам, выговаривая каждую букву, говорит Кристина, чтобы придать своим словам наибольшее значение. Возможно, она впервые столкнулась с такой ситуацией, возможно, ее легкий летящий темперамент скользил сквозь упрямости жизни, перепрыгивал через них, как через лужицы после летнего дождя. И тут такое.

– Зачем тебе его адрес? – спросил я.

– Я приеду, поговорю с ним.

– Это бесполезно, поверь – я вздохнул. Я подумал, что даже если я дам адрес друга, Кристина все равно ничего не сможет сделать.

– Я не хочу, чтобы она мучилась! Все врачи говорят, что без крыла она умрет, все говорят, не мучать животное! – почти кричала она.

– Я согласен с тобой. Но ничего не сделаешь – с горечью сказал я.

– Пошли вы нахер, идиоты!!! Ты дебил! И твой друг тоже. Два сапога. ИДИОТЫ!!

День разгорался и обещал быть жарким. Свежий ветерок радовал своими ласкающими порывами.

– Чувак, тебя вообще не переубедить?

– Нет.

– Получается, ты захватил птицу?

– Получается, да.

– Ты тупой.

22 Голубка

Мы с другом были на юге города. Он ждал свою возлюбленную, хотел с ней о чем-то поговорить. О чем-то серьезном, но я не знал подробностей. Возможно, это была очередная попытка быть ближе к ней, но все знали, что ничего не выйдет. Я сидел на своем бирюзовом скейте на травке парка под развесистой плакучей ивой. Было жарко, но окутывала легкая еле заметная освежающая дымка приходящей осени. Эта свежесть была ни на что не похожа.

– Вот она!

– Где?! Где?

При каждом моем «вот она» друг вздрагивал, но, когда понимал, что нет, ругался на меня и всматривался дальше. Мне казалось это забавным, но его волнение, конечно – как иначе, передалось мне, возможно, поэтому я его подначивал и разыгрывал, чтобы скрыть, что мне было грустно от этого. Ждем, как школьнички.

Вышла бабка в черном полностью закрытом платье и в черной косынке – как смерть.

– Вот она!!

– Где-Где?! Пидор, бля. Пошел отсюда.

Я схватил скейт и отправился к тротуару, встал и понесся. Асфальт был гладкий-гладкий, и я бесконечно кайфовал. Я

включил Slipknot 2004го года и разогнался по полной, обгоняя и лавируя между прохожими – мне все ни по чем! Мне приглянулся весело катящийся на самокате ребенок в футболке с надписью «born to rock», его вел поникший молодой папаша совсем без лица, уставший, без признаков жизни и, наверное, с мыслями о вечернем пивке. Он так же катил перед собой коляску с очередным «рожденным отрываться и кайфовать, быть вечно молодым и сильным». Блин, что за неприкрытая пошлая блядская ирония, для этого мы рождены?! Стать молчаливыми печальными тенями, истошно изрыгивающими остатки былой молодости в дни национальных праздников и совершающими тихие пивные молитвы по вечерам в бетонных коробашках?

В ночь у меня была работа. Моя последняя смена. Мне нравилась ночь, так как лишнее пряталось и давало место спокойствию и размеренности. Я подъехал к ресторану, но не стал сразу заходить и решил выпить ряженки. Надо было дождаться полночи, чтобы пошла двойная ставка. Небо затянуло, и заплакал дождь. Я остался в авто. «ЮЮ хёёёрт мии» – вещал мне трек Burial, повторяя раз за разом, убеждая меня в том, что жизнь нелегка. Но мне уже было все равно, я просто вглядывался вникуда. Фонари еще не зажглись, стопроцентно влажная темень властвовала, я видел лишь силуэты деревьев, никого не было. Где-то над облаками и тучами изредка рокотали самолеты, казалось, совсем низко. Я

предпринял несколько попыток что-то увидеть, хоть точечку мерцающего огонька, но нет. Вообще, я был как будто в скорлупе, в гидрокостюме, я даже удивился, я ни о чем не думал, ничего не вспоминал, ничего меня не трогало, и то, что за полчаса мимо не проехало ни одной машины, меня не удивило. Ничего для меня не существовало. Затишье перед бурей. Или концом. Реборн или предсмертная агония.

– Опять вы? Что на этот раз будете делать?

– На этот раз я буду ставить сканеры в киоски, я звонил, предупреждал.

– Да, заходите.

Меня встретила девушка менеджер, у неё были немного кривые ноги, она была нескладной фигуры, но показалась мне довольно милой и почему-то очень родной. Но я ни разу не был здесь, и не производил никаких работ в этом ресторане, этой девушки я не помню. Её слова, её теплая встреча меня задели, мой гидрокостюм дал течь, и нежный ночной уют опустевшего помещения Макдака проник и растопил меня. Девушка повела меня в зал к киоскам заказа еды, спросила, нужно ли мне чего-нибудь, как настоящая гостеприимная хозяйка. «Да, сделай мне чаю, пожалуйста, милая! Я очень устал». Играл какой-то ненавязчивый гитарный джаз, только для нас двоих, в окнах мерцал опустевший ночной город. Она «хлопотала» на кухне. Я сдался. Я открыл киоски, пододвинул стул, сел и стал смотреть на неё, уста-

вившись, сквозь обнаженные платы и провода. И казалось, моя душа нашла свое место. И казалось, долгий изнуряющий своей бессмысленной истощающей бесцветной неприкаянностью путь окончен. Вот он – Оазис.

Я вышел на улицу. Дождь перестал, ночная свежесть привела меня в порядок. Неожиданно приехал друг. Он подбежал сзади, попытавшись меня напугать, но я не успел. Мы доехали до парка и сели на скамеечку. О чем-то говорили, кажется, друг мне рассказывал о своей встрече. Но я всё уже знал, я думал о ней, или ни о чем, в сущности, я не грустил, этого тепла мне хватит на некоторое время, а чего еще нужно? За скамейкой в кустах что-то время от времени шуршало и шелестело, сначала мы не придали этому значения. Потом поняли: под нашей скамейкой умирал голубь. Лежа на земле, с завернутой головой и пустым взглядом, он иногда, видимо, находя очередные последние силы, двигал крыльями, шурша ими по земле.

***

Моё место здесь не так уж и важно, не так уж я и важен, чтобы постоянно думать о своем одиночестве. Не так уж и важно думать о своем месте здесь – повторял я про себя как мантру. Но когда я поднялся и меня подхватил ветерок, мне

все-таки показалось, что на черной ветке дерева сверкнули влажные глаза моей голубки. Я полетел над парком, набирая высоту, и оказался над ночным прекрасным безлюдным городом. Я полон сил и пуст мыслями так, что никто не скажет, что я существую, и что я был когда-то. Я полетел к дому Иры и, кажется, увидел ее силуэт в окне. Заморосило.

Часть 3

23 Чел на моноцикле

Я продолжал жить у мамы. Мы даже ладили. Ей не было одиноко, и я не был совсем один, хотя чаще всего я скрывался в своей комнате. Так прошло лето, и наступила осень. Октябрь прошуршал листьями как-то совсем незаметно и мимо, в забытие. Я несколько раз ездил на крышу, смотрел на окна Иры. Но ничего там не видел. Там было пусто – дыра. Ее добрая улыбка осталась частью моей прошлой жизни.

Спускался ночной туман, по чёрному асфальту ползли огромные дождевые черви, застывая от надвигающегося холода, было пустынно, вдали мигал ситимобил аварийкой, целуя оранжевыми вспышками мокрый асфальт. Свежий ветер теребил прилипшие палые листья.

У мамы день рождения. Мы посидели вдвоем на кухне, выпили по два бокала домашнего вина. Зашел разговор о работе. Я оделся и вышел.

– Мама, я писатель, какой таксист?

Но я ей этого не сказал, она ничего не знает. Поведать, что я пишу, у меня не хватает духа, и мне кажется, что я засмеюсь от неловкости, когда выдам ей такую новость.

– Мама, я тогда уволился ну типа чтобы стать писателем. Ну типа мне 30 лет, меня все заебало, я теперь писатель. Хахахаха! Вот тебе пару тыщь за еду, потерпи меня немного, хахаха, будет – еще дам на еду, кстати я расстался с мадам и вообще буду жить здесь. Хаха, как-то так.

Понимаешь, я хочу передохнуть. Хочу подышать свежим воздухом свободы, точнее, я уже его вдохнул и не в состоянии от него отказаться. И это не блажь, это – необходимость. Я серьезно нервно засмеюсь, а веточка березы, прислонившаяся к окошку нашей кухни, подмигнет и покажет мне «окей», выпалив «братух, хорошая шутка». Я вспомнил своего школьного друга с двумя высшими образованиями, который сейчас морит тараканов в заведениях. Работа такая. В детстве у него случилось горе – умерла мать. Он пришел в школу. Знал только я. Класснуха после урока подзывает его, я был рядом, говорит: «пусть твоя мама придет завтра». А он смеется. Нервно. Больно. Не может остановиться. Я тоже почти смеюсь, задыхаюсь, давлюсь. Два писанных дауна. Мы понимаем абсурд. «Мама не сможет прийти, она как бы типа умерла». Произнести вслух он этого не может, поэтому и смеется. Это был ад, понимаете, о чем я? Мама, я торчу в комнате, не трогай меня, я – писатель. Я позвонил другу, спросил, где он, нет ли сейчас заказов, я бы проехался с ним. Мне одиноко. Заказов нет, он укладывает детей. Я иду с октябрем наедине, дышу влагой, ночь обнимает меня, ласкает, убаюкивает. Не наступаю на гигантских червей. Я говорю с

мамой, с отцом, с другом, с первой любовью, мечтаю – все, что мне остается, все – чем я живу. Никто не знает. Никто не догадывается. Я не хочу, чтобы кто-то знал, оставьте это мне, пока, сейчас, пока я не разберусь, пока не пойму, что делать. Да, мама, я знаю, что это может длиться бесконечно. Мама, знаешь, кто я? Туман становился все настойчивее, тяжелее, столбы освещения словно атланты окраин сдерживали его натиск, но уже с трудом, изгибались, тужились, напрягая звенящие ржавые жилы. Мама, знаешь, я – писатель.

В тот самый момент, в ту самую секунду, когда я мысленно признаюсь маме в своем грехе, из густой ночной пустоты улицы Коммуны возник он – чел на моноцикле, устроился на своем моноседле и конвульсивными ужимками вертит педали этого чудесного механизма, рассекая октябрьскую ночь. Я дернулся. Что за.?! Зачем?!?!? Нелепее картины я не видел.

24 Выборг – ебаный Париж

Выборг пожалел меня. Мы разговорились. Он увидел во мне такое же побитое существо. Знаете, Выборг – волшебный город! Это целый мир, как потрепанный кукольный домик, маленький и огромный, родной, смертельно больной. Да, он скоро умрет, прольются слезы бесснежными мокрыми зимами и отыграются черные панихиды бесконечных ветреных ночей. Но обязательно наступит весна, и руины настрадавшегося города сплавятся в оазис цветущего счастья. Мне так кажется.

“Пригородный поезд «Санкт-Петербург – Ладожское озеро» отправится с 5 пути” – трещал громкоговоритель. Я стоял на перроне и ждал 7:25, чтобы впустили в Ласточку. Ноябрь. На улице +12. Синоптики говорят, что может повториться бесснежная зима прошлого года. Мне же плевать. Светает. Пахнет вокзалом, шпалами. Студёный ветер нагло забирается под одежду, как и должно быть на любом перроне вокзала в 7 утра. Крыши прилегающих зданий показывают свои очертания. Летит самолет в небе цвета апрель. Наконец, я сел в поезд. Еще 30 минут и тронемся. Тронулись. Удельная, Зеленогорск, Рощино. И, наконец, Выборг. Я иду в ТЦ Кубус. Там Макдоналдс, из которого я должен забрать сломанные гарнитуры работников и отвезти их в город. За

это мне платят, а главное, заплатят за билеты на Ласточку туда-обратно. Воздух плывет в дымке раннего утра. Чудится весна. Включил весенние треки, впрыснул в кровь жизнеутверждающей радости. Расплылся. «Опасно слушать весну в ноябре» – говорили мне многочисленные вывески ритуальных контор. Не хочу умирать, когда мне хорошо. Справа старинные здания, фактурные, мудрые. Слева – советские ждпостройки и прочее благолепие из серых плит и некогда белого кирпича, кое-где покрытого щербатой штукатуркой из мха. Солнце заполняет собой все вокруг, преграждает путь; темные очки не особо спасают. Я как дикое животное противостою природе, прокладывая тропу, с достоинством принимая мир хаоса – это мой смысл на сейчас. Щетинистые пыльные эркеры и башенки Выборгских зданий что-то мне говорили. Я услышал их еще в крадущейся к городу электричке. Но язык был мне непонятен и чужд. Сейчас, ступая по узким кривым тротуарам, погрузившись в спокойные воды покинутой временем архитектуры, я, кажется, стал понимать язык этих зданий, замерших в чудесном остракизме. Они говорили:

– Чувак, бля, да расслабься ты, живи минутой, не парься, в общем. Понял?

– Да вроде да, че тут не понять – ответил я, щурясь от льющегося света.

Но понял я не до конца, если честно. Преодолевая солнечную стену, мне было хорошо, что появился смысл, хорошо,

что здания приняли меня как своего и беседовали со мной. Но что-то не давало мне переступить, шагнуть на твердый берег. Я спросил:

– Вот я вижу все эти отколотые лепнины и барельефы на некогда богатых фасадах, убогие белые стеклопакеты и металлические двери вместо резного дерева. Как это?

– Так а че? Что было, то было. Нам и так норм.

– А не хочется обратно? Чтоб все по красоте?

– Так а толку, хочется не хочется.

Я задумался. Насколько искренне говорят мне эти здания. Что у них на их каменной душе на самом деле. И насколько важно в жизни преодоление. Где грань между искусством непрерывного познания и искусством легкости? Есть ли баланс? Я спросил у них.

– Ты ничего не понял, чувак. Твоя ебаная жизнь – через преодоление. Кому это нужно? Тебе. Но и тебе же это мешает. Сила в легкости. Тем более она не отрицает познание. Ты чего хочешь? Любви или тупого прогресса?

Я вновь задумался. Тут заговорили коробки из некогда белого кирпича с другой стороны улицы.

– Да слушай ты этих лепнинных пидоров. Они родились с серебряной ложкой во рту, вот и разглагольствуют. Что они знают про настоящую жизнь, про неутомимое желание понравиться? Что они знают о бескорыстной любви?

– Да пошел ты – донеслось через дорогу.

Я уже не слушал разбушевавшиеся здания. Я размышлял,

чего я хочу. Любви или вечного поиска. И нужно ли вообще выбирать. Мне казалось, что освободится от нескончаемой борьбы и преодоления я смогу, только преодолев невидимую пока границу манящего солнечного эфира впереди. У меня была цель. Я шел и боролся с белым ветром звезды, с раскиданными гранитными валунами, с плебейскими скалистыми монмартрами и радовался и улыбался, и в моей счастливой улыбке отражался ноябрьский сияющий Выборг, прекрасный как весна.

«Выборг – ебаный Париж» – шептал я, любя. Древние мудрые здания и советские коробки, отбросив колкие отповеди, дружно и одобрительно кивали своими пыльными крышами в такт моему шагу.

25 Зарево

Ночные метания продолжались. Днем осень прикидывалась ярким праздником, карнавалом акварельных картинок, но с наступлением тьмы, придавливала меня к своей сыреющей с каждым днем земле. Вообще, все смешалось, и я не мог разглядеть границ. Очередная ночь. Алкашня орала под окнами. Потом врубили музыку. – Твою мать, ну они охуели в край!! Твою мать, какой крутой трек! – мое покрасневшее гневное лицо сквозь остатки бредового сна хотело шазамнуть. Потянулся за телефоном – 2 часа. Решил не шазамить, лишить удовольствия этих пьяных лесбух. Это, наверное, опять эти лесбухи. Хороший вкус, умеют отдыхать. Пытаюсь уснуть, злюсь, ненавижу лесбух, думаю, интересно, на чем слушают, неплохо пробивает двор, наверное, последние JBLки. «Он любил, чтобы во время тоски его касались чьи-то руки»

Опостылая хуйня. Надо уснуть.

– Мама, я начал свой темный путь. Возможно, я его продолжаю, но я только сейчас это осознал.

– У этого пиздюка даже не будет денег похоронить меня – наверное думает моя мама, пытаясь заснуть каждый вечер.

Хэй, ночь. Разреши, открой полеты за грезами, что так ма-

нили меня. Зачем мне все это вокруг? Зачем мне эти неуютные белые окна? Смотри, полюбуйся: я ведь как ковбой в сраном вестерне, тянусь к револьверу, гадаю, кто кого раньше прикончит, я – работу менеджером, или куча отвратительных вакансий менеджеров на хэхэ меня. Полюбуйся, я в вакууме, абсолютно один, лечу на своей кроватке к затормаживающей и растягивающей душные ночные метания черной дыре. «Он любил, чтобы во время тоски его касались чьи-то руки».

Открыл окно, впустил мутного от тумана ночного воздуха. Ты – не зря – шепчу пустой ночной остановке. Спи, бесцельный мученик – в ответ. Над лесом висело зарево, жирное, желтое, как мои прибивающие сны. Туман такой, что вновь вырастают жабры. Вдохи резкие, глубокие, как стрелы. Ебать, это что вообще? Это не планета Земля! Смазанные уходящие, исчезающие линии чертили пустой Ленинград, а меня-то здесь нет. Еще. А буду ли? Холодно. Вернулся под одеяло. Все еще не могу уснуть, хоть и лесбухи успокоились. Закопался. Сражаюсь. Нет…

Полез в телефон. Читаю меню ресторана Турандот. Что бы я сейчас взял? Тартар из лосося с чёрной икрой и хрустящим козлобородником – 1590. Неплохо, но я не знаю, что такое козлобородник, а показаться невеждой не хотелось бы. Борщ со спелой вишней и круассанами с фуа-гра – 850. Хм – вот это нормально! Борщ с вишней, еще и спелой. Стоит попробовать. И останется еще на Овощи “Турандот” – 990.

Домой пойду пешком.

Написал своему старому другу, приехавшему погостить в Питер. Он живет в Лондоне, работает айтишником, в общем, чувак с яйцами и может взять на ручки, как любят дамы, в курсе про роли в отношениях, как любят дамы. Хотел бы его увидеть, прикоснуться к успеху, прикоснуться к Англии, к колыбели всего правильного мирового искусства, прикоснуться к человеку, который в состоянии заказать себе несколько сот фуа-гра и при этом поехать домой на такси, возможно, он даже знает, что такое козлобородник. Думаю, спрошу его совета, какой онлайн-курс выбрать.

Туман лезет в окно, вонзая желтое зарево мне в грудь, бесцеремонно скинув с меня одеяло. Брошенные тротуары Ленинграда лунной дорожкой забрались на мой пятый этаж, приглашая прогуляться в оконный проем. Я прищурился, улыбнулся. Не в этот раз, Ленинград. Окраина, отпусти!

– Как мне быть сильным, если я слаб? – заорал я в окно.

– Кого это волнует, педик?!! – крикнули мне в ответ.

Я высунулся, оглянулся – пусто. Чудеса.

Растворился в комнате. Чернеющая бездна, как-то так вышло, что она начала побеждать. Кислые обои въедались в поры, разрывая тромбоциты пространства. Ночной бред. Поебень.

Вышел снова на балкон. Пару горящих неуютным белым светом окон в соседнем доме – торчат лысые мужские затылки и бесформенные бабки в ночнушках. А вот и первый снег.

Обними меня, скажи: «ты – не зря».

26 Свинья на Советской

Я много ходил. Очень много. Порой до последних сил, чтобы доползти домой и просто рухнуть на кровать. Бесцельно и тяжело. Это было как пьянство, такое, не чтобы забыться, а чтобы убить себя.

Во время очередного похода на Советской напротив недавно выстроенного храма паслась свинья. Я шел, думал о своем. Ну свинья и свинья. Не домашняя, полноразмерная, упитанная, светлая розовенькая с темными крупными пятнами. Звать, кажется, Дусей. Собрался народ. Прицелили телефоны, снимают, улыбаются. Я подошел к толпе. Чтож. Прицелился телефоном, ткнул на экране красную кнопку, пошел отсчет. Одна секунда, две, три… на пятнадцатой оборвал – как раз для сториз. Дуся повернулась задом, вертит вензельком хвостика. А в наушниках продолжил играть The Cure, захотелось послушать старичков, осень ведь. Ни то свинья, ни то старички Cure – не знаю – вспомнилось былое. «Я буду любить тебя вечно» – вертелось почему-то в голове. Прекрасные слова из прошлого, которые звучат смехотворно сейчас, но отчего же?! Что поменялось? Я взрослее, время другое. Будоражащая юношеская наивность исчезла. Но тут на Советской, глядя на радостный свиной вензелек, я готов признаться всем тем, с кем был, потому что я до сих пор люблю. Каждую, которой говорил прощай, выры-

вая, думалось, занозу из сердца, а не его сосуд. Время рассудит. Но какая разница, и так и так проливается кровь. Усталость. Малокровие. Равнодушие. Гаснущие глаза. Лекции о ролях в отношениях и планы выучить, наконец, язык, или накройняк – онлайн-курс smm. Сториз грузится, возникает греющая связь, пластырь на сердце, через 24 часа он сорвется, смоется, но не беда – наклеим другой, новые просмотры от некогда самых близких. Обновляем холодными руками на ходу мимо Магнита, где был когда-то музыкальный магазин, чекаем, отмечаем – так и живем. Перекрёсток Бакунина и Исполкомской со сплошным деревянным забором. Здесь мы с другом, который сейчас морит тараканов, ждали трамвай под ноябрьским снегом с новенькой гитарой J&D в картонном коробе. Блядь, вещи, которые иные вспоминают только на пьянках и встречах одноклассников, я вспоминаю почти каждый день. Я хорошо помню свои мысли под ноябрьским снегом в тот день. Музыка, сцена, магия, когда ты играешь гитарный рифф и вступают барабаны, и возникает Волшебство, мечты о славе. «Мечты о славе». «Я буду любить тебя вечно». Какое-то наебалово. Приду домой – запишусь на курсы smm.

Вчера я видел взлетающий самолет в розовом облаке. Я подумал, что это знак. Что все будет охуенно. Заметил сториз, что Кристина прилетает. Мониторю самолеты из Уфы. Гадаю. В общем-то я могу этим и не заниматься, но делать

больше нечего. Не читать же Чехова. Сториз – прилетела. Сториз – гуляет по городу. Сториз – какая-то хата в центре. Сториз – тусит на Рубинштейна. Сториз – какой-то педик с карэ. Давно нет онлайн. Что-то настроение не очень, если честно. Если честно, хочется сдохнуть, не знаю почему. Может, просто одиноко и осень. Сел на 24й автобус – отправляюсь домой. Гляжу в окно автобуса на суетливый город, люблю его. Модники, бомжи, старухи, парочки, ебланы в костюмах животных с огромными жопами, пристающие к прохожим, рекламы онлайн-курсов и 1+1 суши. Понимаю, что за всем этим сториз-карнавалом – проголодался. На суши денег нет, даже 1+1. Вдруг на билборде у остановки рекламу онлайн-курса сменяет искрящееся бликами вечернего прекрасного города изображение Биг-Мака. Тут огромная жопа костюма жирафа смещается в сторону, и возникает надпись "теперь 89 рублей". Боже. Розовое облачко не соврало. Выскочил на Индустриальном. Суетливо нацепил ебучую маску, заказал Биг Мак. Задумался. Добавил картошку. Задумался. Кинул пирожок с вишней. Задумался. Удалил. Задумался. Добавил обратно и скоро нажал оплатить. Теплый бумажный пакетик греет израненную душу. Домой шел быстро, буквально парил, слегка улыбался, предвкушал, вспомнил, что в холодильнике осталась баночка пива.

Запели ангелы, я задыхался, но не боялся умереть, протуберанцы счастья били искрящейся радугой в слоумо, искривляя пространство, но я не боялся быть разорванным. Мои

тысячи глаз ловили каждую вспышку вещества и окон нависших надо мной панелек, и я как муха ускользал от тяжелых ладоней смерти. Господи, прости. Счастье есть.

Когда кругом пиздец, когда тебя пытаются уничтожить, стереть и перемолоть жерновами, засыпать серостью заебалых низких облаков массированной методичной атакой, тонкий луч света, пробравшийся между мусором и завалами над тобой, может подарить надежду. Не знаю, что послужило спасительным лучиком, может, очередной вспыхнувший кухонный огонек девятиэтажки. А, может, Биг Мак и пивас в холодильнике. Не знаю почему, но внезапно по телу расплылось натурально согревающее тепло. Вообще, это была мысль, это была радость, что кто-то там вместе, Кристина с педиком с карэ или кто-то другой – не важно, ведь огонек чьего-то окна зажегся и выстроился в пазл вечерней панельки. Я стал им, я стал половинкой всех влюбленных пар, нажимающих прямо сейчас выключатели, входя в уютный дом и захлопывая за собой дверь и ставящих чайник.

Я совсем не рассказывал вам о моей Рите. В ее телефоне я был записан как А. Просто А. Это не значит ничего или очень много. Я так ее и не разгадал. Помню, как ждал ее дома. Она опаздывала, и я немного злился. Ждал-ждал. Она позвонила в дверь, я открыл. Зашла Рита, непривычно взволнованная, раскрасневшаяся и теплая, в руках у нее бы-

ли пирожные из Буше. Она ездила и выбирала именно определенные пирожные, а их нигде не было. Я не помню, что это были за пирожные, помню, что она была очень красивая в юбке широким колокольчиком и очень-очень теплая – почти горячая. Ее удлиненный носик как у колли и пышная львиная прическа, ее непривычное возбуждение я запомню навсегда. Я хотел сказать ей тогда, что люблю ее, потому что так и было, но так и не смог. Мне кажется, это было 29 мая. Ровно три дня до лета.

27 ЕГОР ШИП

Работы не было. Я не находил себе места, писал на бумаге «Что делать?» «Что дальше?» Бумага молчала. Волны перестали. Тишина, Пустота, которая ну совсем. Людей в моей жизни так же не было, что можно отрубить язык. Меня не существовало. Ад – это другие, которых нет. Скоро и болезненно стемнело, и я прогуливался по району, по местам моих далеких начал.

Помню, как впервые ехал сюда с Парка Победы на машине, как постепенно падало мое настроение и исчезал во мне человек, превращаясь в жалкое согбенное существо. Сначала это архитектура центра и ухоженность, потом это индустриальный тяжелый, но все-таки характерный и мной любимый Обводный, потом это Новочеркасская, в целом зеленая и приятная. Потом дикое место – станция метро Ладожская. Далее немного парков, окольцованных шумными дорогами, с несущимися по ним ревущими делимобилями с безумцами за рулем, целью которых является не дай Бог не опустить стрелку тахометра ниже 4к оборотов. И затем наши дома у лесопарка (читай, леса), где не за что зацепиться человеческому глазу и душе. Только не смейте проделать описанный мной путь в дождливую ноябрьскую погоду как сейчас. Фонари освещения представляются виселицами, и я не преуве-

личиваю. Это Ржевка. Здесь творятся чудеса.

Здесь возможно все. Здесь отчаяние сменяется леденящим восторгом. И даже наоборот. Бесконечные лабиринты припаркованных машин рождают увлекательную игру. И имя ей тьма. Пресс-папье из чугунных теней уродливых оград, голых деревьев и монолитных зданий придавило неминуемый, но бессмысленный рассвет. Время есть, можно вздохнуть глубоко, а секвенция ночных огней Красногвардейского района рисует мелодию надежды. Я заглядываю в окна первых этажей. Ловлю движения живых существ. Ловлю тепло.

Запоздалые институтки устало, но с улыбками Моны Лизы плывут к общаге на Белорусской по калейдоскопу разбитых на асфальте бутылок. Их жизнь только начинается, и калейдоскоп осколков – это диско-шар вечной дискотеки молодости, а не обломки сквозящей мимо жизни. Алкоголь – не алкоголизм, праздник – не праздность.

Прогулка легкая. Сердце свободное. Слушаю приятную музыку. Прелесть этого времени в том, что не нужно ставить телефон на вибро, когда слушаешь приятную музыку. Никто не потревожит. Последнее смс – неделю назад, сообщения в мессенджерах и вконтакте – тоже около того. Недавние вызовы – мама позавчера. Меня оставили наедине с собой, и это не может не радовать. Никто не отвлекает от размышлений о вечном. Помню, был вечер, когда я после долгого отсутствия приехал проведать маму, и она заставила меня слушать, как

она читает анекдоты. В ее глазах появилась искра. Ну то есть я ей говорю: «мам, прекрати, я не люблю анекдоты! Это все глупо!» – «Ну подожди, вот слушай…» – отвечает мама. Берет газету и начинает читать, и ее никак не остановить. Тогда я понял, что такое одиночество. Какой безжалостной тварью оно может быть. Пересекаю Косыгина. Долгий светофор. Прохожие скопились и послушно замерли, повинуясь красным боке на асфальте. Пошли. И я. Потом невзначай вспомнил старого знакомого, вспомнил непрекращающийся пьяный смех по поводу его интерпретации известного шлягера. Знакомый тогда выдал: «Я готов целовать песок, на который ты сходила». Напеваю. Нелепо просмеялся вслух. Потом представил эту картину и просмеялся еще. Сладостная радость одинокой ночи. Только мы с тобой. Шагаю по родным местам и приятно спотыкаюсь о чугунные тени прошлого, улыбаюсь редким встречным и представляю свое болтающееся тело на фонарях освещения. Вот это время. Ноябрь. Фонарей освещения много. И это радует. Приятно, когда есть выбор.

Лихорадочный ноябрь подсунул мне воспоминания о празднике в ПНИ под Зеленогорском, и я послушно решил разместить объявление диджея на авито. Мне было страшно, но в тот сметенный вечер я подумал: «какого черта, что мне терять?» Почему нет? Но на следующее утро я вскочил и как будто бы очень испугался. Какой диджей? Что?! Но авито все

равно молчало. Я подумал, что пусть будет. Ведь никто не пишет, и я погружался в жалостливое примирение с судьбой, со своей неудачливой ненужностью. Остывающее болото и тихая смерть. Здесь на Ладожской.

Но вдруг через неделю пришло сообщение. Готовится праздник для детей. Нужен диджей. Не успел я свыкнуться с ролью никчемного горемыки, познать прелести тихой поэтической стабильности на районе – снова нужно приспосабливаться. Ну хочется стабильности, и чтоб все отъебались. Надо было удалить объявление, но не поднялась рука – грущу я. Праздник в пятницу. Сейчас день среды. Что я за человек? Чего волноваться? Да просто я и праздник – это как орущий с балкона хруща алкаш и раздельный сбор мусора. В общем, нелепица от и до. Отказаться не имею права, более того – нужно заставить думать, что именно я самый прославленный диджей на планете, нужно, чтобы мой предпринимательский апломб торчал из экрана заказчика твердым железо-бетонным хуем. Словом, я обязан взять этот заказ, ведь позарез нужны финансы. Вроде поверили.

Выпито литры валерьянки. Прослушано тонны песен Тимы Белорусских и Niletto. Дерьмо, подготовка запустила необратимые процессы в организме: через три часа я пританцовывал и подпевал, игриво качая напичканной успокоительными головой. Через шесть часов я дивился таланту Клавы Коки и хотел на ней жениться. Через девять – я за-

казывал футболку JONY на его официальном сайте. Настал этот день. Собираюсь как на расстрел. Представляю, как объебанные конфетами маленькие человечки разрывают меня на клочья в садомическом хаосе детской дискотеки. Вспоминаются нетленные высказывания Хармса. Мне написали адрес. Рубинштейна, 23. Я как бы не помню наизусть адрес Довлатова, но, увидев сообщение, я был уверен, что это довлатовский дом. Прорицатель хренов, только вот к чему это совпадение? Знак? Знак чего? Мне было похуй, больше тревожил вопрос парковки в этих чудных местах. Пора грузиться в автомобиль. Выполз таскать хваленный в объявлении на авито киловатт звука. Льет как из ведра. Окраина возмущалась – куда собрался? Никуда, родная, скоро вернусь.

Поехал. Все еще льет. Навигатор наврал, похоже буду раньше на полчаса. Незадача. Остановился, не доехав пары километров, и выжидаю. Акварельные силуэты вечернего города, растворяясь в повисшем на стеклах автомобиля конденсате, стекают вниз вместе с тяжелыми каплями. Дворники слизывают пресные слезы северного неба. В общем – везде влага – питательный бульон для моего отчаяния. Возникла потрясающая мысль – сходить в магазин за ряженкой.

Подъехал на Рубинштейна. Договорился, чтобы открыли ворота, так что все вроде неплохо складывается. Приоткрыл окно и подмигнул носатому мужчине на гранитной доске. Заметил драку: с виду приличные люди отрывали с фасада какие-то небольшие металлические таблички, оппоненты

же, тоже внешне приличные люди, предпринимали попытки набить им ёбла. Сути спора я так и не понял, зато обрадовался, что прямо у подъезда было парковочное место. Шестой этаж, но есть лифт, кажется, я учусь ценить маленькие радости. Перетаскал на этаж все оборудование, открывается дверь квартиры, выскакивает тойтерьер по имени Пышка. Захожу, пытаюсь скинуть мокрые кроссы, но ко мне сразу же подбегает маленький человек и орет: «а ты знаешь ЕГОРА ШИПА?» Пауза… Ступор. Твою мать, я выучил всех ваших малолетних пидорасов за эти полтора дня, но НЕТ, Я НЕ ЗНАЮ ЕГОРА ШИПА! Огромное номенклатурное зеркало в резной позолоченной раме отражает мое красное лицо с капельками пота на лбу. – А я знаю ЕГОРА ШИПА – вторит маленький человек. – Лично? – Да! – Прикольно.

Пышка и дети бегают по огромной квартире, взрослые пекут брауни, не выпуская сверкающие бокалы с вином из рук, плазма показывает современные клипы, акустика заполняет пространство звуком не хуже моего хваленного в объявлении киловатта. Зачем я им здесь нужен? Стараюсь не задавать лишних вопросов. Занимаюсь делом. Не отвлекаюсь. Дети бегают и орут друг на друга на французском, подходит взрослый по имени Валентин с младенцем на руках. Здоровается со мной на ломанном русском и тут же кричит что-то Пышке на языке Наполеона. Куда я попал?! Окраина не рассказывала мне о таких местах. Продолжаю стараться не задавать лишних вопросов, ставлю аппарат, ищу розетки. Снова

подбегает маленький человек и кричит: «диджей, поставишь Dior ЕГОРА ШИПА!»

– Валентин, где у вас тут туалет?

– Я вас проводить. Этот занят, пройти вон там.

Запираюсь и сажусь. Смотрю на свое отражение сквозь селективку у зеркала, едва замечаю свой отсутствующий взгляд на сползающем в подвал лице. Тикают часы, капли воды из крана оглушают. Снаружи слышна гулкая французская речь, наверное, что-то из Бодлера – я почти уверен. Пышка скребется в дверь.

– Dj mis sur le disque de ЕГОР ШИП! Je veux entendre ЕГОР ШИП!!!

Знаю ли я какие-нибудь молитвы? Если бы тут была форточка, то я бы вылетел в нее без раздумий. А лучше переместился бы на раскаленную июльскую крышу, созерцая кружащие птицы и выше – самолёты. Справа – зеленый, слева – красный. Наслаждался бы бирюзовым морским оттенком прогретого летнего неба… Пусть и один, пусть и навсегда. Может ли любовь быть вечной? Не трудом, а легкостью. Приходящей утренней зарей, весенним улыбчивым солнцем, парящим морским бризом. Я вижу стремительные стрелы портовых кранов, а дальше искрящийся солнцем залив в двух бокалах, не выпускаемых из наших с тобой рук.

Господи, дай прожить эти два часа…

Я встаю за пульт, завожу пластинку ЕГОРА ШИПА, вы-

кручиваю звук вправо до упора, дети прыгают и ревут в экстазе, я – король танцпола, вечеринка удалась!

28 А вот и первый снег

А вот и первый снег. Я наблюдаю это в свое окно. Дело хреновое. Значит, не скоро я увижу девушку в велосипедках. Только на фотографиях, только в глянцевых журналах начала 90-х. Помню, там были и розовые велосипедки и фиолетовые. Реже – зеленые или оранжевые. Радужные запахи весны. Прекрасные цветные объятия. «Айм нот эфрэйд!!» – хочется кричать, несясь, спотыкаясь, по черным коридорам заброшенного здания в поисках выхода. «Подожди» – цедит мне огромная светящаяся хуйня МЕГАЛИТ на 25-этажном сарае Дыбов. Она говорит, что скоро ВЕСНА! Но я не могу ждать!! Это просто? Просто замри? Не дыши? Не смотри в окно, только в щелочку занавесок, поглядывай как в замочную скважину на кудлатую зиму.

Да, погода такая. Ну как в детстве. Серо – идеально для бесцельного слоняния. Немного снега, немного грязи, немного наледи. Все вперемешку. Друг, помнишь, как, наслушавшись Offspring, мы бродили по району, месили грязь и скуку, приправленные зачинавшими искрами неопытных мечт, заходили в комиссионки и смотрели, есть ли у них электрические гитары. Денег на гитару тогда еще не было, просто искали, ведь мало ли. Мало ли найдем – так и мечта ближе. Еще негодовали, почему в магазине «Все для дома»

нет гитар. Чайники есть, а гитар нет. Пнули банку, пошли дальше по бесконечным рваным тротуарам. Пока смерть дня не разлучит нас. Или как искали неразорвавшиеся петарды на снегу первого января. Помнишь, друг?

Звонок. Хах, друг звонит, бывает же такое. Наверное, какая-то связь. Отвечаю на звонок. Слышу:

– Чувак, не хочешь поработать продавцом в пивном ларьке? Мы ларек открываем в Народном.

Медленно гасло небо. Кухонные экраны стреляли в прохожих из окон первых этажей рекламами противовирусных препаратов. Повседневное отчаяние, липкая тьма и простудные заболевания смешивались с эфиром ТНТ на мокром асфальте. Сраный артхаус в ебучем кинотеатре. Мир вопит о любви, но все всегда заканчивается смертью. Смерть – это застенный звон посуды на кухне. Ты прислушиваешься к напластованию керамических звуков, убавив телевизор в пустой комнате. По этому звону ты понимаешь, что смерть готовит для тебя. Смерть, снег и злость на окраине. Снующие автомобили против существ на выжженных солью асфальтовых полях. Бой, сражение остаться безучастным, не заметить, забыть, расслабиться. Но сорваться и дать волю невидимой артиллерии. Да, бывает так, что злость переполняет тебя, выдавливает поршни, и ты вновь впускаешь сырой отдохновенный воздух, окропленный брызгами желчи. Злость, деструктивная мощь ее, кажется, скоро вывернется, чтобы

стать Творцом, с осоловелым заблудившимся взглядом быковатого полубога. Здесь возможно все. Здесь творятся чудеса. Зачем все это? Мир рушится на глазах в заставленном автомобилями дворе Ржевки. Ты лежишь в его обломках навзничь, затаив дыхание, поглощенный, умерщвленный простирающейся ввысь в другие галактики чернильной тишиной, стыдливо тычешь всеми профилями своего лица словно порванными на жопе велосипедками в зевающие вечерние окна многоэтажек, извиняясь за свое существование. А всепрощающие снежинки первого снега нежно ложатся на твою гнедую кожу в горячих поцелуях. Но это длится обычно не долго. Здесь все быстро проходит, сразу прячется. Такие дела. Выскакивает с оскалом, видит свое отражение в луже и исчезает вновь во влажном парящем эскапизме подвала. И говорит, и повторяет: «мне похер, мне похер, мне похер». Вот и я повторяю, а потом осунувшись бесформенным мякишем под первым снегом говорю: да я ведь просто огромный вопросительный знак на горизонте девятиэтажек. Говорю: «Привет, тиндер. Как дела?» Что? Это не оригинально?! А если так: «Я хочу, чтобы наши тела сплавились воедино под танец насмехающегося белого окна, из которого выглядывает фикус. Чтобы стать бессмертным, а потом уже умереть». Так пел, кажется, один репер Парвулеску.

– Ты смотрела красоту по-американски?
– Нет.

– Знаешь, я заплакал, когда увидел пролетающий одинокий пластиковый пакет. Потом мне мой друг, который морит сейчас тараканов, сказал, что брось. Ты пересмотрел фильмов. Но я не смотрел «Красоту по-американски»! Честно! Как мне быть?!! Я и в правду плакал!

Удален из пар.

Высокие животворящие Волны с пеной гребня превратились в бесформенное месиво мазни шизофреника. Вибрировали стены от непрерывного топота ребенка где-то наверху. Рваные лоскуты беспорядочных мыслей носились в моем теле, как фотоны в коллайдере. И они сталкивались. И они взрывались, рождая концентрированное безумие. Фактурные сгустки окон расплывались в линзах падающих слез. Напластование резких звуков автомобилей соревновалось с молчанием моего телефона. Сухопарые нищие деревья и неоновый футуризм шиномонтажных вывесок рождали красоту Ржевки. Самую красивую красоту из всех возможных. Невесомые как топор ткани оконных штор закрывали наши миры. Медленно гасло небо, но я этого как будто не видел. Я уснул.

29 Созвездие на хлопковом небе

Посмотри туда и ты пропал. Помню, стоял на этом самом месте на Депутатской, глядел на звезды, и не верил в их существование. И в замерзшую почву под ногами так же перестал верить в один миг. Мое начало всего, мое архе тогда пугливо сгинуло. Пустота. Почему я должен чувствовать себя свободным, если я не могу оказаться там среди звезд прямо сейчас, когда мне это так необходимо? Даже более – не могу помыслить возможности оказаться там, покружится в танце двойной звезды Дубхе на краешке ковша Большой Медведицы! А я ведь вижу тебя. Вооон там. Что звезды, что софиты, что эти окна дома с грифонами за спиной – пиксель на радужке, бедность и поселившийся страх. Стоит только его впустить. И он освоится с концами, перевезя все свои вещи. Я в театре бесконечно сижу в своем ряду номер N на месте N, и он нихуя не иммерсивный этот театр. Ебаные декорации. Замерший замерзший философ ждет восьми вечера, чтобы не платить сто рублей за вход и бесплатно погрузиться в изучение физиса ЦПКиО имени Кирова, в мерцание ЕГО звезд и лязг голых ветвей деревьев на ветру. Сто рублей и ледяная рябь канала. Это слишком много, непреодолимо. Вкупе и по отдельности. А в особняке с грифонами за спиной ближе к звездам. В особняке с грифонами – свои собственные хрустальные звезды. Но там никого нет!

Ни души. Яркая белая пустота. Здесь на этом месте на улице Депутатская я впервые отчаянно испугался. Испугался, что один-оденешенек. Вокруг высокие стены с принтами сцен из жизни, а мерцание звезд в пустоте неба где-то сверху – скачки напряжения дешевого ремонта.

И даже не важно, где ты. На Энтузиастов или на Депутатской.

Решил пройтись. Ни души. Начинается снег, кружит едва заметными точками, почти сливается с морозным воздухом. Пелерины фонарей освещения обнаруживают крадущиеся точки снега, каждый источник света играет свою игру, все они разные, но все несут свою жизнь тягостно и молчаливо, никто не скажет «спасибо», вы не услышите сомнений и извиняющей реплики с лицом живого человека за выстрелом и разлетающимися на стены мозгами, лишь каменные лица усталого света, усталого от очертенелой обыденности и обреченности как в фильмах Балабанова. Изредка за сплошным забором скрипит детская качель. Это твой мир, я тебе его уступаю.

Я иду к входу в ЦПКиО, оглядываясь в поисках жизни. Ни души. Пустые улицы, пустые особняки, пустые припаркованные Роллс-Ройсы Фантомы.

– Слушай, Рита, я хочу тебе кое-что сказать. Из меня ни-

чего не выйдет.

Тягостное молчание в ответ.

– Да, ты зря теряешь свое время со мной, прости…

Это был тяжелый разговор.

Тяжело это услышать. Тяжело это произнести. Похоже на конец и бесконечное одиночество. Страшно зачесалась поясница, пробил пот. Старая травма, лет десять назад один хороший врач в детской поликлинике, врач ЛФК, лечил мои межпозвонковые грыжи. К нему меня привез брат, так как ходить я не мог, настолько все было серьезно. Он был иглотерапевт. Одна игла – и я смог встать. Чудесный врач. Я часто потом его посещал. На одном из сеансов, подключая к моим пальцам какие-то электронные приборы, что-то измеряя, он сказал, что у меня высокая связь с космосом. Что бы это ни значило. Мне это очень понравилось, пожалуй, это был лучший комплимент в моей жизни. Он постоянно экспериментировал с разными приборами, каждый раз у него было что-то новое. Ученый затворник в поисках вечного смысла. Маленькая комнатушка в поликлинике с плоской кушеткой и фотографиями летящих ввысь над горными пиками цветастых воздушных шаров, стремящихся через занавешенное окно в питерское сырое небо. В тот зимний день врач решил провести сеанс лечения током, прикрепив к пояснице электроды. Я лежал на животе и, свернув шею, косился на воздушные шары. Но не смог пролежать и минуты, зуд был

невыносимый. За возможность почесать спину я готов был продать квартиру и стать бомжом, этот зуд был сильнее чем артиллерийский зенитный удар по яйцам. Но это было еще не все. Зуд повторился с удвоенной силой, когда я спускался в метро после мороза, спеша на работу. Испарина на моем лице соленой линзой испускала такую связь с космосом, что народ вокруг стал, кажется, оборачиваться. Я стоял столбом, стараясь не шевелиться и не запустить руку в штаны, ведь это было бы действительным концом. Теперь в особо важные моменты жизни зуд на пояснице говорит мне «привет, поговорим?» Я все потерял.

Созвездие Большой Медведицы. И даже не важно, где ты. На Энтузиастов или на Депутатской.

Созвездия хрустальных люстр особняков и черного зимнего неба светили только для меня, оборачивайся-не оборачивайся. Тугое плотное время мешает моему шагу, но все-таки расступается передо мной. Свет пустых окон с каждым фотоном кажется не таким уж далеким. Я привыкаю к нему как к новому дому, но знаю, не стоит так делать. Скрип качели за забором. Я вздрогнул. Я боюсь, похоже страх овладел мной окончательно. Мне кажется, из меня ничего не выйдет – повторяю я тебе, а ты опять молчишь. Приобнял тебя за плечи. Ты взяла мою руку и тягостной изгибающейся волной кисти как плетью скинула ее с себя как нечто чужое и ненужное. Это было за занавесом, за нашими спинами, не

для зрителей. На сцене же твои глаза смотрели в меня, бегая меандром, и не останавливаясь надолго, изредка цеплялись за фактуру не меня, а за отражения белых окон на моем лице. Твои глаза рассказывали чей-то прошедший день буквами в сценарии. Я хотел определить качество твоей игры. Я хотел это сделать секундным рефлексом, но оборвал. Незачем. Ведь она идеальна, словно искусственный интеллект. Идеальна, но безжизненна. Я не знаю, люблю ли я тебя… но, кажется, не могу без тебя, потому что ты рядом. Я буду не один этой ночью. Сейчас… Но я очень хочу увидеть твои дефекты, твои недостатки и шероховатости, чтобы полюбить тебя по-настоящему. Я очень хочу тебе все рассказать, все, что со мной было этой осенью. Но уже не уверен, что существую, что ты существуешь, что не получится так, что искусственный интеллект будет рассказывать другому искусственному интеллекту чей-то сценарий и писать книги о нас. Может, поэтому я ступаю осторожно, оглядываясь, в поисках теплого дыхания существования, вылущивая мимические морщинки на твоем лице.

Я продолжаю свой путь ко входу к ЦПКиО. Вдруг я увидел высокую прекрасную женщину, прекрасную амазонку. Она заметила меня и ускорилась. Она точно идет мне навстречу. С каждым ее шагом я понимаю, что она очень высокая, на голову, а то и на две выше меня. Прекрасная амазонка в хлопковом бежевом костюме под оверсайз-пуховиком, как модно

в этом сезоне. И пыльно-розовые Тимбы на ногах.

– Я слышала ваш голос.
– Я думал, что никого не встречу сегодня.
– Вы здесь живете?
– Почти.
– Меня Лера зовут, а вас?
– Андрей.
– Пойдемте вместе.

Огромная хрустальная люстра закачалась. Я услышал топот сверху и посмотрел на прекрасную амазонку Леру, а потом на припаркованные Фантомы за окном стеклами в пол. Там снаружи снег разыгрался ни на шутку, безжалостно уничтожал мои сметенные следы. Фонари все так же безучастно эманировали свет. Деревья парка собирали снег по крупицам пока не образовали горные пики. В огромной комнате с лепнинами на огромном пустом столе стояли два бокала. Они сверкали идеальной чистотой, хотя и я и Лера уже пригубили вина. Я не сразу заметил отсутствие паутинок от наших губ на хрустале. Стерильность этой комнаты меня испугала, и я кажется задрожал. Лера подошла и обняла меня, нежно, как ребенка. Я задрожал еще сильнее, пока дрожь не превратилась в конвульсии всего тела и, достигнув горного пика, внезапно резко стихла. Тепло. Сладкий запах амазонки. Слишком идеальный, но и этого мне оказалось достаточ-

ным. После этой осени мой организм легко обмануть, сымитировав любовь, пусть и неумело.

Топот сверху продолжился, и люстра снова закачалась. Амазонка заговорила, ее нежный голос превратился в жалобную прекрасную песню. «Да, я ходила ругалась, сначала не открывали, потом я ждала, металась, просыпалась ночью. Через несколько дней я поняла, что это через этаж шумят. Представляете, какая здесь слышимость! Вчера мне сказали, что ребенок заболел и бегает, и ничего не сделаешь. Сказали, что завтра ребенок пойдёт в детский сад. Но сегодня опять шум весь день. Я как крыса в трюме корабля, здесь, на Депутатской улице. С ума сойти. Мне кажется, я и схожу. Я оказалась как один воин в поле. Никто не замечает шума!!! Сосед сверху встает в пять утра, я тоже слышу его шаги, и уезжает на работу. Наверное, рабочий в первую утреннюю смену. Он приходит вечером без сил и сразу отключается. Что ему этот топот? А мне приходится страдать. Одной…» Она выпалила это и вновь замолчала, тяжело дыша. Ее домашнее тепло, ее пряный прекрасный аромат окутал меня, когда я обнял ее у гигантского окна стеклами в пол. – Я вас хорошо понимаю, – сочувствующе произнес я и стянул с ее широких бедер черные трусики, на небе дорогого хлопка которых я заметил вытянутое благоухающее созвездие, которое мерцало и означало желание, которое говорило любовь, которое было точно не искусственный интеллект. Которое было настоящей жизнью. Наши зашуганные тела слились под раскачивающейся

люстрой, и она крепко сжала мою руку на своем теплом как существование бедре.

Я рассказал ей про мою осень, и мы пошли в ресторан «Марсельеза» любоваться снежными горными пиками в ЦПКиО имени Кирова.

30 Менеджер любви

Я в Смоленске. После долгого молчания тиндер звякнул. И вот я в Смоленске. Как так произошло? Я больше не задаю таких вопросов. В них нет смысла, как и во всем вокруг. Я больше не вижу границ.

Я в шерстяном свитере, который связала мама. Светло-голубой с узорами. Ему 20 лет, когда-то его носил мой брат. А теперь – я. Открыты все окна, а там – кружит снег, сигающий с крыш, играя в метель. Этот запах не выветрить, и страшно болит голова. Видны окна напротив. Зажегся свет и вышел мужик в трусах. На кухню. Я очень огорчен, что это не девушка. Домашняя, цветущая, с благоухающей сочной пиздой, в которую можно зарыться и не стать обратно. Мне неловко. Но чего таить, каждый нормальный человек подумает о сочной женской уютной пизде, если увидит сраного мужика в трусах в окне. Я не понимаю, зачем он там появился, и виню во всем судьбу. Запах курева, хвойного режущего ароматизатора и сырой тряпки от постельного белья с монограммой LV. Потрепанная Книга Соломона на облезлом столике с пятном от пиваса. Прошлые жильцы вызывали демонов хмельными и табачными ароматами, терзали их своей филистерской тупостью под СашуТаню. Шум, неумеренность, непотребство и гниль. Пидарасы. Укутавшись, смотрю в открытое окно на кружащий снег. Я так делал в детстве.

И снова мысли зароились. Я нормальный, блядь! Жду звонка. Мама, там далеко вяжет мне еще один свитер на 23 февраля. Защитнику отечества. Чтобы защищал отечество. Ее старые руки, но еще не потускневшие глаза, вяжут петельку за петелькой тепло. Мамы не станет, тепло останется, будет напоминать о себе колющей частичкой вечности, продлевая свое существование. Мама продлевает свое существование тоненьким весенним ручейком в надежде на великие судьбоносные реки. Хочет уберечь отпрыска от всех возможных опасностей и жизненных перипетий. За окном снег. И здесь, и у мамы. А я лежу, укутавшись, дышу и ничего не понимаю.

Выпил ряженки. Полезно для пищеварения. Холодно и как будто температура. Заварил ромашку, подумав пару секунд, добавил лимона. Отпил. Гадость. Но гну ложечку, заточив лимон в тиски, выдавливая больше жаркого сока. Ведь я привыкну и даже полюблю. Ромашку с лимоном. Заморская кислятина непонятного нам январьским солнечного оттенка в травяном отваре, цвет полей русских, бескрайних и сумасбродных, нелепо припертых разбитыми дорогами и густыми темными лесами. Несочетание, которое станет частью моей жизни, будет греть меня. Я буду спешить в эту прокуренную квартиру с мороза, чтобы заварить пакетик ромашки и кинуть туда лимона, облепить горячую кружку ледяными ладонями и, сопя, впитывать этот отвар, косясь на Книгу Соломона. Нет, я не вызываю демонов, я жду звонка. Лимон в этом году похож на апельсин. Он почти оранжевое закат-

ное солнце.

В открытые окна влетел шум. Шум – мой главный враг. Я приехал в Смоленск, чтобы забрать ее. Я так сказал, но в действительности все не так. Она обмолвилась, что в Смоленске тихо и нет людей, даже днем. В действительности я приехал, чтобы остаться здесь. Чтобы бродить и слушать безмолвие, чтобы встретить здесь весну. Я ее не знаю, я ее не видел. Вместо фотографии было огромное пурпурное поле иван-чая. И она – меня. Вместо фотографии было разбитое пианино. Я жду ее звонка уже второй день. Я написал свой номер телефона. Она не знает, что я приехал. На сообщения она больше не отвечает. Возможно, все потому, что я рассказал ей свою тайну. Что хочу стать писателем. Рассказал, что хочу написать книгу о любви и о своем районе. И уже придумал сногсшибательное название: «Шиномонтаж» Зря. Поспешил. Я обманулся и открылся, и ненавижу себя. В анкете было ее имя – Любовь. В моей анкете тоже было имя – Андрей. В графе карьера я шутливо написал – Менеджер любви. Мэтч!

Решил посмотреть фильм Левиафан. Смотреть онлайн в хорошем качестве бесплатно. Реклама МелБет. Подгрузилось. Блядь: 2 часа 41 минута – пиздец. В принципе время есть. Столько разговоров было и международные премии – надо, наконец, посмотреть. Поехали титры и темный океан, в зеркале ноутбука отражается мое усталое уже морщини-

стое лицо с заложенными за уши волосами. Лицо охуенного писателя, смотрящего серьезный фильм в ожидании звонка. 2 часа 41 минута. Ну ведь пиздец. Это конечно, не Шоа с ихним 566 минутами. Но все-таки.

Менеджер любви приехал за тобой, детка, просто – позвони!

Прошло несколько дней. Рассматриваю фотографии ночного Смоленска с Соборной горы. Вижу ниспадающий Париж с Монмартра у базилики Санкре-Кёр. Безразлично листаю. Мне нечего рассказать вам о ней. Она писала, что была в Лиссабоне, что читала Ремарка, а там про Лиссабон ни слова, а какая-то жесть. Рассказывала, что была на Лазурном берегу, и горы давили на нее. А Париж – город, созданный для любви. А я сказал, что не умею любить и в Париже мне не понравилось. Вообще-то, я соврал. Я не был в Париже. Но я видел картинку ниспадающего города у базилики Санкре-Кёр на Монмартре. И почему-то плакал. Я застукал чью-то жизнь, печальную, безумную, но прекрасную, такую, что можно увидеть и сдохнуть нахуй, потому что видел все, потому что хватит. В юношестве ты выращивал крылья для своего триумфа, мечтал вознестись до небес и умереть в 27. А сейчас ты с морщинистым еблом цепляешься за свое полное одиночества никчемное существование и радуешься парящему сонму снежинок, и мечтаешь о девушке в кру-

жевных трусиках в окне соседнего дома. Хотя бы так, а че. Ждешь, конечно, звонка, но все понимаешь.

Звонок.
Суши заказывали?

Сердце провалилось в подвал дома, растеклось, и сквозь поры железобетонного пола просочилось в оледенелую почву, далее ниже смешалось с грязью вековой земли и исчезло унесенное январскими грунтовыми водами.

31 Последняя история

Встретились наши галактики,
Наморщили лоб.
Твоя пылает огнями, огнями
Моя – счернеет вот-вот.
Ты – как южных морей лазурные ряби,
Я – сырой небосвод.
Скольжу ладонью по скалистым изгибам.
Я – небесная дрожь.
Я мог бы проследовать мимо,
Мог бы, но не смог…
В пустом саркофаге спустя тысячи лет
Найдется больная душа.
Ты спокойна-спокойна, твой наряд – кружева.
Все предвещало тысячи бед,
Никто, никто не давал мне обет
Верить в мои чудеса…
Ты – как южных морей лазурные ряби, а я – сырой небосвод.

– Извини, ничего личного. Между нами не может быть ничего серьезного.

– Я не нашел своего места.

– У тебя все будет хорошо.

– У меня нет своего места. Я как бездомная собака.

32 Три дня до лета

– Привет. Ты еще спишь?! А у меня закат.

Я присел на поребрике небольшой парковки у видовой площадки. Рядом была молодая парочка, расположившаяся на капоте своего Марка. Они тоже провожали закат. Золотой мост Владивостока струился разноцветными муравьями. Вид изрезанного гористым берегом залива, разукрашенного всеми мыслимыми и немыслимыми красками, поражал меня. Мне не у кого было спросить, но я был уверен, что мои зрачки были размером с Тихий океан, чтобы не упустить ни одного пикселя этой непривычной для жителя болотистых равнин картины. Я закончил разговор, и в наушниках продолжил играть Bones.

– Зачем я здесь вообще?! – произнес я, выйдя из Кневичей семью часами ранее. Я поймал Prius, который по бетонке повез меня в город сквозь дальневосточные пейзажи.

Возможно, мне хотелось с кем-нибудь поделиться этим закатом, с кем-нибудь очень дорогим и родным мне, вкусно пахнущим. Возможно.

– Давай купаться вместе!

Bones в моих ушах своим гипнотическим голосом звал меня за океан к себе домой, все дальше от всех, кого я знал. Солнце закатилось. Я сделал пару банальных открыточных

фотографий Золотого моста и отправился дальше исследовать местность. Я скорее парил, чем шел. Если улица устремлялась вверх, то мое возбуждение росло троекратно, и я взбирался быстрее, а дыхание мое сбивалось не от усталости, а от какой-то детской нетерпеливости растолкать всех, цепляясь руками за камни, чтобы скорее стать царем горы. Сопки окружали город и даже были его частью. Некоторые из них венчали острые шпили вышек. Чуть ниже были раскиданы разноцветные гирлянды жилых домов. Все это очень странно и необычно для меня. И эти сопки прямо в городе… Заберусь завтра на эту обязательно. И на ту. На все, которые вижу! А потом спущусь к океану. Это всё, чем я буду заниматься. И в этом моя цель, моя единственно верная высокая миссия!

Давай купаться вместе! Давай растворимся в этом сверкающем ослепительном пятне из солнца, шумного прилива и соленого вечернего воздуха!

Дорогу перебегали подростки с ротвейлером. Он был на длинном поводке и бежал впереди, виляя задом, который был практически от шеи, чтобы вилять. Рядом с ним свободно бежала дворняжка, крутясь вокруг. Ротвейлер пересчитывал всех прохожих и, наконец, подбежал к группе других подростков, накинулся на каждого в экстазе, встречая их ладони своим, наверное, влажным носом. Дворняжка, следуя

примеру, попыталась прильнуть к одному, ко второму, к третьему, но не удостоилась внимания ни одного. Я злился: «ну погладьте хоть кто-нибудь её, пидарасы!» Внезапно я устал, так, что хоть прямо здесь падай, захотелось есть. Невдалеке я увидел столовую номер один, каких у нас много, и все – номер один. Взял мясо с рисом, витаминный салат и заветренный чизкейк. За окном, выходящим в тротуар, ходили ноги прохожих. Вполне обычные ноги, спешащие по своим делам.

Отправившись дальше, я незаметно вышел к морю. Я его не видел, просто слышал между песнями оглушительный накат волн где-то совсем рядом в этой черной пустоте, где обрывается кривая набережная. Я шел с музыкой в ушах сквозь толпу. Время от времени я удивлялся, как же мне повезло с плейлистом. Просто чудо, рука Бога отправляла случайные треки после секунды прослушивания в папку Vladivostok 2016 одним днем ранее дома в Питере. Там были в основном Bones и Travis Scott, а также EP от лондонца Scarecrow и немного другого разного.

Да, все-таки я очень устал. Надо в сторону дома.

Я поймал авто, чтобы пересечь мост, так как с недавних пор из-за каких-то бедолаг, решивших уйти в мир иной с моста, он стал непешеходным, и попасть на Чуркин, где была моя гостиница.

– Может, вам все-таки заплатить что? – спросил я у водителя, человека лет 45. Он выглядел обычно, но была в нем какая-то успокоительная расслабленность и размеренность,

которой я невольно позавидовал.

– Хах! Хочешь, мы сами тебе заплатим? – сказал он, обернувшись ко мне, улыбнувшись глазами.

Я улыбнулся в ответ и произнес что-то типа:

– Оокей.

– Ты откуда? – спросил парень, сидевший слева на пассажирском, наверное, его сын.

– Из Спб.

– А зачем здесь?

– У меня отец служил под Владивостоком. Когда-то очень давно. А впрочем, я не знаю, зачем.

– Интересно. А мы в Питере часто бываем по делам. То здесь, то там. Знаешь у вас место – Думская? Там клубов много – спросил водитель.

– Да, знаю.

Интересно, что они забыли на Думской. Хотя о местах с Южной дороги мы вряд ли бы нашли общий язык.

Тем временем дорогой лексус довез меня до точки Б. Это было за несколько кварталов до гостиницы у лавки с разливным пивом. Зашел. По стене бежал таракан. Я взял пол-литра местного, чтобы перебороть джэтлаг и лучше спать, плюс у меня была отличная закусь – корейские крабовые чипсы, такие, в виде маленьких крабиков. Мне казалось, в том числе из-за них я здесь. Последний раз я ел эти чипсы 20 лет назад и при случае иногда вспоминал их. Взяв добычу, я отправился домой. Бонеса сменил и вправду почти шаманский голос

исполнителя Shahmen. Его речитатив раскачивал мой усталый шаг, и я как по волнам плыл вниз по вымершей улице вдоль молчаливых невысоких домов, окутанных густыми деревьями под черным дальневосточным небом. Я вспоминал, как ребенком просыпался поздно вечером, чувствуя, что я опять один, что родители, уложив меня спать, шли гулять по гарнизону. Я всегда вставал, как-то открывал дверь и отправлялся их искать. Такими уютными теплыми как черное парное молоко вечерами я шел по пустым тротуарам военного городка, наблюдая за перебегавшими огромными медведками и высматривая вдалеке родные силуэты моих родителей. Сложно представить сейчас, там было так безопасно, как один большой дом, все друг друга знали. Я радовался, когда встречал родителей. Они всегда удивлялись, брали меня за руку, и мы гуляли дальше, как ни в чем не бывало. Приходя домой, я засыпал самым крепким на свете сном в уверенности, что они рядом и больше никогда не уйдут…

Я зашел в пустую темную комнату номера и оставил дверь нараспашку. Не разуваясь и не включая свет, схватил пачку чипсов. Я открыл ее. Меня оглушил яркий запах далекого детства. Я потерял себя, так как время испарилось, стало бессмертным и сразу же скончалось. Стало концентратом смысла, щелочью с крабовым вкусом, разъедающей все вокруг. Мне хотелось с кем-то поделиться этим незначительным, но монументальным. Я взял телефон, но все, кого я знал, спа-

ли. Значит, так надо. Дома на планете Земля 6 утра. До последнего момента я не очень понимал, зачем я отправлюсь в этот полет, в другую часть мира один без особой цели, которую можно внятно озвучить. Зачем рассказывать о том, чего не существует? Я засыпал в пустом номере, поглощался волной дремы. Она убивала меня. Душила нежностью. Щелочь с крабовым вкусом растворила смысл – саму себя, и время, и меня, соединившись с черным молоком неба. Остался сон и чьи-то воспоминания. Был как будто родной дом, как будто свое место. За черной ночью будет солнечный день, который скажет тебе: «осталось три дня до лета – и только это должно тебя волновать» И я стал думать об этом, поглощаемый дремой, вдыхая исчезающие остатки кислорода. А потом вдруг, втянув внутрь последний его атом, увидел себя в стенах ПНИ за забором, подпирающим сосны. Мы с Изабеллой в моем старом авто. Я говорю Изабелле, что не знаю, готов ли к этой жизни. Я не могу понять, понимает ли она меня, что для нее мои слова? Она молчит. Окна полностью открыты, и ветер, шагающий среди сосен, не замечая забора ПНИ под Зеленогорском, прогуливается по территории интерната и влетает в салон авто, разбрасывая серые волосы Изабеллы, разбрасывая мое неряшливое карэ. Я думаю – кто я, и понимаю, что очень устал. Я вижу забор, подпирающий огромные высокие сосны, и не могу понять, почему для ветра его как будто не существует. Вдруг я краем глаза замечаю приближающееся серое лицо Изабеллы, ее стремитель-

но надвигающийся неловкий поцелуй, который натыкается на мою бетонную щеку, за которой спрятались мои трусливые губы, в тупой забронзовелой немоте повторяющие: «а готов ли я к этой жизни?» Изабелла, отпрянув, говорит: «А я? А меня кто-нибудь спрашивал? Спрашивал?! У тебя есть три дня до лета. Ровно три дня, чтобы научиться любить» И исчезает, как будто и не было. И я, визжа колесами, удаляюсь по Приморскому шоссе.

Набрал Риту. Привет! Ты еще спишь?! А у меня закат.